

Ольга Рожнёва

Толынь скитаний

Повесть

Ольга Леонидовна Рожнёва

Полынь скитаний

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66933418

Полынь скитаний: повесть / О. Л. Рожнёва; Издательство

Сретенского монастыря; Москва; 2021

ISBN 978-5-7533-1688-2

Аннотация

Новая повесть Ольги Рожнёвой посвящена широкому периоду в мировой истории – 1904 –1955 годам. Вместе с главной героиней Ритой читатель пройдет через горнило испытаний и переживет все, что выпало на долю белоэмигрантов. События книги развиваются на фоне революций, мировых войн, крушений государственных режимов, столкновений культур в тихой Кульдже, свободном Шанхае, опасном филиппинском острове Тубабао, неизвестном Парагвае, процветающем Буэнос-Айресе. Через безверие и ожесточение, чувство мести и ненависти героиня проделает сложный путь к обретению себя и прощению, в чем ей верным путеводителем окажется святитель Иоанн Шанхайский.

Содержание

От автора	6
Незванные гости	9
У мудрого зайца три выхода из норы	16
Каму нара харашо, каму низа пылоха	26
Ест из чашки, а глядит в котел	29
И курица улетела, и яйца разбились	33
Есть судьба – встретишься, нет судьбы – разминешься	42
Званный обед и бой сверчков	46
Отнюдь не романтическое приключение	55
Тревожный год	61
Врач от Бога	73
«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут»	80
Но Родины моей здесь нет	91
Тайна Табынской иконы Пресвятой Богородицы	100
Возвращение на Родину стало невозможным	105
Руссейший облик Харбина	108
Барга	119
Конец «руссейшего» Харбина	138
«В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...»	149
Год Большого террора	157

Зачем эту белобандитку спасти?!	163
Первые воспоминания Ритки	167
В Кульдже	171
Русская лекарка	176
Жить в соседах – быть в беседах	179
Риткина радость	185
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Ольга Рожнева

Полынь скитаний

*Посвящается святителю Иоанну Шанхайскому
и Сан-Францисскому, чудотворцу*

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви*

ИС Р21-106-3106

© Рожнёва О. Л., 2018

© Сретенский монастырь, 2018

От автора

*Выражаю сердечную благодарность
Риде – Маргарите Григорьевне Дубровской,
история жизни которой вдохновила меня на
создание этой повести,*

*а также
Михаилу Владимировичу Арсеньеву, без
помощи которого моя встреча с Маргаритой
Григорьевной не смогла бы состояться*

В 2015–2017 годах по Промыслу Божию и милости ко мне святителя Иоанна мне посчастливилось познакомиться в Вашингтоне, Сан-Франциско и Пасадине с его духовными чадами: матушкой Марией Потаповой, супругой известного вашингтонского протоиерея Виктора Потапова, баронессой Ридой фон Люэлсдорф, Вениамином Васильевичем Воробьевым и Николаем Андреевичем Лукьяновым, а также с протоиереем Петром Перекрестовым – ключарем собора Всех Скорбящих Радость, где покоятся мощи святителя Иоанна, и составителем двух сборников воспоминаний о святом.

Истории духовных чад святителя Иоанна Шанхайского поразили меня: они прошли тяжелейшие испытания, стали свидетелями самых трагических катаклизмов XX века и смогли, благодаря молитвам их великого духовного отца, од-

ного из самых величайших святых нашего времени, выйти с честью из этих испытаний. Особенно потрясла меня судьба Риды – Маргариты Григорьевны Дубровской. Ее дед, военный врач, был отправлен в начале XX века в русскую миссию в Синьцзян, где он спас огромное количество больных, обреченных без медицинской помощи на неминуемую смерть. Вместе с ним все тяготы жизни на чужбине разделила его семья. После революции дед и отец девочки были расстреляны, а сама она прошла через страшные испытания: тюрьму, лагерь, тиф, насилие, голод и побои. Маленькое сердечко рано ожесточилось, и лишь знакомство со святителем Иоанном Шанхайским помогло ей научиться труднейшей из наук – науке прощать.

Мой американский друг Петр Власов, чей дед служил когда-то старшим офицером вместе с дедом Риды, сказал мне: «Таких людей, как Рида, в мире остались единицы. Она – живая история, и воспоминания ее просто бесценны. Мне трудно понять, каким образом эта девочка, испытавшая такие невыносимые страдания, не просто выжила, но и сохранила свою целостность, свое правильное, незамутненное представление о добре и зле, сохранила искренность и глубину...»

Вместе с главной героиней моей книги вы узнаете о необыкновенном мире заморских стран, о первой любви, о предательстве и верности, о коварности и жертвенности, о чудесных молитвах святителя Иоанна Шанхайского и о том,

как научиться прощать, верить и любить. Святителю отче
Иоанне, моли Бога о нас!

Ольга Рожнёва

Незваные гости

*Мы, знающие горечь отступленья,
Мы, для которых заревом горел
Наш край родной, охваченный пожаром.
Мы, не сменившие тропы своей.
Мы, брошенные бешеным ударом
В рассеянье скитальческих путей.*

*Ольга Скопиченко (1908–1997),
Самарская губерния – Харбин – Шанхай – остров
Тубабао – Сан-Франциско*

Бабушка с трудом вылезла из кабины старого грузовика, стянула с головы черное покрывало: в дорогу она надевала хиджаб¹, чтобы сойти за уйгурку. Подошла к кузову, постучала кулаком по железу, подала голос, чтобы не испугать:

– Рита! Лидочка! Слава Богу – добрались! Вылезайте, деточки мои, идите ко мне, не бойтесь!

Ритка помогла подняться младшей сестренке, и девочки кое-как, на четвереньках, пробрались по мешкам к бабушке. Три дня и три ночи ехали они среди грязных и пыльных меш-

¹ Хиджаб – покрывало или наголовный платок, оставляющий открытым лицо женщины. Часто носится вместе с никабом – платком, закрывающим лицо и оставляющим лишь прорезь для глаз. В широком смысле хиджаб – полный комплект женской одежды, который покрывает все, кроме кистей рук и лица, необлегающий, непрозрачный, непестрый. – *Здесь и далее примечания автора.*

ков с картошкой, вылезая из кузова только по ночам, чтобы проглотить кусок черствой лепешки, вдоволь напиться воды и размять затекшие ноги. Днем страдали от припекающего майского солнца, а ночью натягивали на себя все тряпье, какое было, но все равно зуб на зуб не попадал от холода: в этих краях резкие перепады между дневными и ночными температурами. И вот наконец доехали. Ритка чувствовала внутри сильную дрожь – это был ее первый день на свободе за многие годы. Дыхание перехватывало, но она по привычке старалась ничем не выдавать своего волнения. Может ли так случиться, что все скорби и страшные испытания, выпавшие на долю ее семьи, закончатся? Они потеряли папу, дедушку, мамочку – разве этого недостаточно? Может ли так случиться, что теперь их троих – тех, кто остался в живых из Дубровиных, – ждет спокойная и счастливая жизнь?

Довольно гадать – нужно осмотреться. Ритка быстро огляделась по сторонам – незнакомые улицы и дома. А ведь это был город ее раннего детства – Дихуа, столица Синьцзяна, прекраснейшего округа Китая. Древний город, когда-то центр северной ветки Великого шелкового пути. С разных точек Дихуа, в 1944 году еще не отягченного небоскребами и не переименованного в Урумчи, можно было видеть, как гордо в его центре возвышается Хунь-Шань – Красная гора, как уходит она ввысь на целый километр, и алые огненные камни украшают ее вершину.

Горное озеро

Рита не помнила ни город, ни его окрестности, а он был прекрасен, как и вся природа вокруг: с одной стороны заснеженные склоны Тянь-Шаня, с другой – огромное соленое озеро с зеркальной гладью. Вечные снега и горные ледники, горячие ключи и водопады с пеленой сияющих брызг, темно-зеленые лиственницы и сосны, гигантские сорокаметровые ели, сочные альпийские луга и сиреневые поля горной лаванды. Огромные окаменелые деревья в ущельях шепчут о глубокой древности. Долина бабочек, где бесчисленные кры-

латые жители собирают нектар с душистых цветов.

Здесь трудно умереть с голоду: дикие абрикосы, яблоки и грецкие орехи легко подкрепят странников. Разве не должен царить мир в этом возлюбленном Богом месте? Разве не хватит на всех медовых синьцянских дынь? А трое уставших путников чудом бежали из страшного лагеря в Кульдже, да и здесь находились в смертельной опасности.

Беглецов встретил легкий утренний туман. Туман – это хорошо, он скрывает от чужих враждебных глаз. В те годы большая часть нынешнего Урумчи была бедной: деревянные хибары, огромные скопления курятников, гужевые повозки на песчаных дорогах. Но встречались и богатые особняки. Именно в таком доме жили те, к кому приехали путники.

Рита старалась быть начеку и ничего не упускать из виду. Зрение обострилось до предела, и она замечала все, что происходило вокруг. Ясно видела даже то, что скрывалось за спиной. Слышала десятки звуков, улавливала множество запахов и оценивала их на степень опасности. Когда опасность приближалась – она чувствовала ее. Никогда не знаешь, что может произойти в следующую минуту. Выживает тот, кто осторожен.

Способность так видеть и слышать появилась у нее после того случая на мосту. Она не вспоминала об этом днем – ей вполне хватало ночных кошмаров.

Бабушка Лиза, Елизавета Павловна, и Лида стояли рядом, но от них не было никакого проку. Обе были не в состоянии

разглядеть даже то, что происходит у них под самым носом. Лидочка восторженно пялилась на изящный колокольчик у тяжелой, массивной двери, ведущей в двухэтажный крепкий кирпичный особняк. Бабушка смахивала слезу платочком и, похоже, вообще ничего не видела и не слышала, поглощенная своими переживаниями. Так что на этих двоих не было никакой надежды.

Бабушка наконец промокнула слезы и позвонила в колокольчик – звонкая рулада покатила в бубенцами вдаль улицы, рассыпалась в сыром утреннем тумане. Что она делает?! Зачем так громко?! Это может быть опасно! Нужно было поскрестись в дверь тихо-тихо, так, чтобы не слышали чужие.

Рита напряглась, прищурилась. Она чувствовала себя диким зверьком, пробравшимся из джунглей в переполненное крестьянами селение. Опасность подстерегала на каждом углу. Но воздух был легок и мягок, лучи утреннего солнца ласкали кожу, расслабленные, чуть шаркающие шаги, спешащие из глубины дома к двери, не сулили угрозы.

Дверь открыл бой² – слуга-китаец маленького роста с плоским лицом. В лагере китайцев называли ходями. Это было немного пренебрежительно, на самом деле Ритке нравились китайцы – добродушные, трудолюбивые, дружные. А самым лучшим человеком была Апа – кареглазая старушка-татарка, присматривающая за маленькими белобандитами и прочими никому не нужными отбросами общества.

² Воу (англ.) – мальчик.

Татарка Апа прекрасно знала путунхуа, или мандарин, – основной диалект китайского языка. Она научила языкам свою умную, на лету схватывающую воспитанницу, и Ритка говорила теперь не только на пиджине – смешной смеси языков, но и на татарском и китайском. Китайский – чудный язык, легкий, простой, краткий, идеальный для разговора. На татарском, кроме Апы, Рита болтала с подружкой – татарочкой Рукией.

Бабушка и Лида не знали ни татарского, ни китайского. Правда, Ритке недолго пришлось гордиться своими знаниями. Как выяснилось, она больше потеряла, чем приобрела: забыла некоторые русские слова – понимать вроде бы понимала, а сама сказать не могла. К тому же бабушка и даже Лидочка могли изъясняться на английском и французском, а Ритка только глазами хлопала. Такое впечатление, что находились они в разных лагерях. Впрочем, так оно и было.

Маленькую Лидочку оставили с бабушкой, и они жили среди лагерников преклонного возраста и инвалидов, которых уже не пытались перевоспитать и освободили от тяжелого физического труда, даже на поля не гоняли. А Ритке повезло меньше: рослая для своих лет, она оказалась в детском доме, предназначенном для потомков белобандитов. Пять лет лагеря. Да, она отсидела целых пять лет – почти половину своей жизни. Наверное, успела перевоспитаться.

Отворивший дверь ходя слегка поклонился, быстро оглядел три маленькие фигурки, оценил их грязные изношенные

платья, запыленные лица и недовольно забормотал:

– Мисси середиза, када твоя монеза просит! Шанго середиза!

Бабушка растерялась:

– Простите, я не понимаю!

Рита мрачно перевела пиджин:

– Он говорит: хозяйка сердится, когда нищие просят милостыню. Очень сердится.

Бабушка растерялась. Она сама сердилась редко. Бабушка была доброй – такой доброй быть нельзя. Рита опустила глаза, скрывая гнев, и вежливо поздоровалась с китайцем:

– Цзаошан хао!

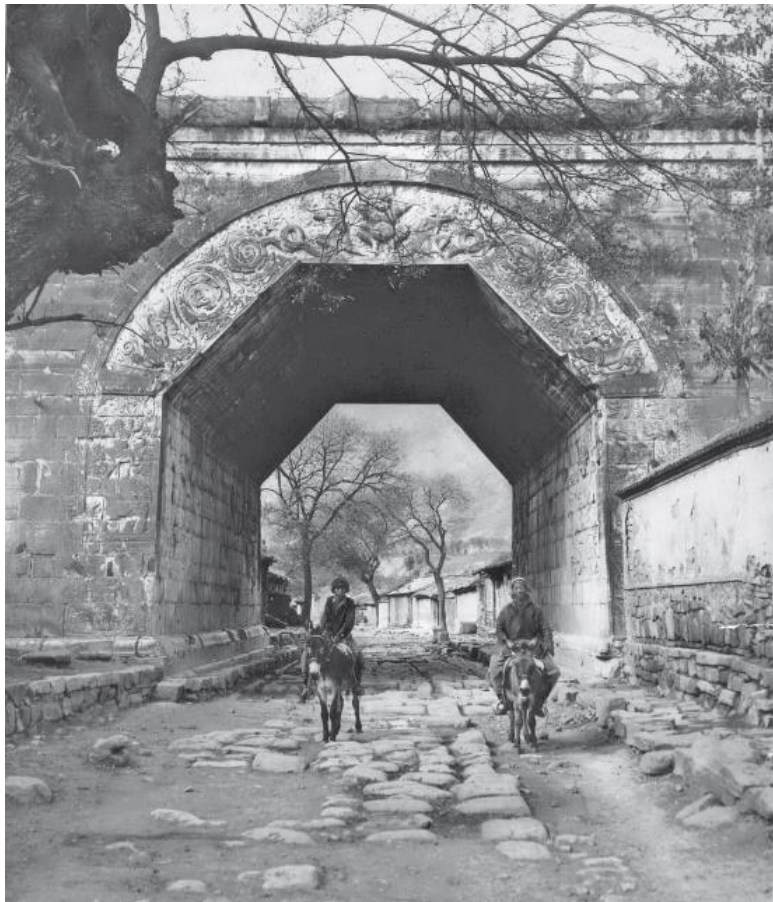
Ходя отступил на шаг. Ритка заговорила с ним на китайском, и бабушка с Лидой не успели оглянуться, как недовольное выражение морщинистого лица слуги сменилось на приветливую и немного испуганную улыбку. Складки на лице растянулись, бой начал кланяться и, пригласив гостей войти, сам пошел, почти побежал вглубь дома.

– Рита, деточка, что ты ему сказала?

– Правду. Что мы родственники его мисси.

У мудрого зайца три выхода из норы

Раздался торопливый перестук каблучков – в ярко-розовом шелковом халате им навстречу спешила хозяйка дома. Это была тетя Люба, бабушкина двоюродная сестра. Апа говорила: «Выходишь из ворот – смотри на небо, входишь в ворота – смотри на лицо хозяина». Лицо хозяйки этого дома оказалось ярко окрашенным, румяным, круглым, а сама она – плотной моложавой женщиной. Совсем не похожа на бабушку – маленькую, сухонькую, седую. Вроде и не сестры, а совершенно чужие люди. Впрочем, они с Лидкой тоже разные: Лидочка – маленькая, хрупкая, пугливая, а она, Рита, – высокая, крепкая и смелая.

Ворота заставы Цзюйюньгуань на Великой китайской стене

Голубые, чуть навькат, глаза тетки удивленно распахну-

лись, перламутровые губки судорожно скривились. Ритка угрюмо вздохнула: было понятно, что за этим последует, – и слезы, крики радости, объятия, восклицания не заставили себя долго ждать. Рита скептически наблюдала за происходящим. Слов боя о неблагосклонности тетушки к нищим для нее было вполне достаточно, чтобы предсказать дальнейшее поведение богатой родственницы. Удивительно, но бабушка и Лида этого не понимали.

После объятий их провели в гостиную. Все в этом доме было непривычно: вместо облезлых стен лагерного барака – роскошная мебель, вместо кислого запаха давно немытых тел – тонкий аромат духов. Да, здесь было чем поживиться: если карабчить³, то вот эту роскошную фарфоровую вазу... Нет, великовата размером... Лучше – вон ту расписную шка-тулку, хоть и мала, но в ней наверняка лежат нехилые вещицы. Да и почифанить, попросту говоря, пожрать тут точно можно от пуза...

В пустом животе заныло, она сглотнула слюну и мрачно посмотрела на возбужденно чирикающую тетушку и счастливую бабушку, уже пустившую слезу. Лида сидела молча, глаза бессмысленно радостные – ничего не видит и не понимает от счастья. Да уж, из них троих взрослой была только она сама – Ритка. Больше надеяться не на кого, только на саму себя. Ну, ничего, она сумеет защитить и бедную бабушку, и туповатую младшую сестру.

³ Карабчить (*жарг.*) – воровать.

Прислушалась к чириканью. Так и есть, нетрудно догадаться: едва опомнившись от шока встречи, тетя Люба уже начала жаловаться на тяжелую жизнь и недостаток средств. Бабушка сочувственно кивала, а Ритке стало смешно: ее предсказание сбывалось мгновенно.

Кормить их не стали – так рано они, видите ли, не кушают. И сначала нужно принять ванну. С дороги. Так заявила тетушка. Да чтоб тебя саму в этой ванне утопили! Первой мыться отправили Ритку. Она решительно отказалась впустить бабушку, но тетка прямо-таки ворвалась в ванную, оглядела с ног до головы, прочирикала:

– Ой, какая на тебе грязная одежда! Таким штанам место только на свалке! И пахнет от тебя, ты уж не серчай, очень плохо... Всю одежду – только сжечь! Непременно сжечь! Детка моя бедная... А вшей у тебя нет? Точно нет? Ну ладно... Да ты одного ростика с моими девочками – Нюшей и Ксюшей... Только худее... Я тебе сейчас принесу такое красивое платьице! Раздевайся скорей!

Пришлось стоять – ждать. Вши у нее, конечно, были, но признаваться в этом она не собиралась: вши – это дело обычное, нестрашное. Тетка вернулась быстро:

– Деточка, а что же ты не раздеваешься?! Вот смотри, какое чудесное платьице, как раз для тебя! Нюша его все равно уже не носит... Чулочки не забудь надеть – негоже барышне с голыми ножками разгуливать...

Было очень странно, но приятно лежать в теплой ванне.

Она понюхала все многочисленные баночки и бутылочки со странными сладкими запахами. Жаль, что несъедобно, так и слопала бы содержимое хоть вот этой аппетитной банки. Но это не едят – она не дикарка, она понимает. И еще помнит, что вот эти разноцветные бруски – мыло. Давно не видела мыла. Выбрала голубой брусок, пахнувший не так приторно-сладко, как остальные. Голова после помывки все равно чесалась, но к этому Ритка давно привыкла. Разве бывает иначе?

В ванной отражали друг друга множество зеркал, но Рита стыдилась рассматривать свою наготу. В конце не удержалась – глянула украдкой: гладкая, затуманившаяся от пара поверхность, забрызганная каплями воды, неясно отражала кого-то чужого, совершенно незнакомого. Сколько лет она не видела своего отражения в зеркале? Пять лет лагеря и год тюрьмы. Да она и не знает, как выглядит...

Провела рукой сверху вниз, еще раз и еще – и зеркало не спеша отразило тонкую, но крепкую фигурку, едва заметную грудь двенадцатилетней девочки-подростка, длинные стройные ноги, исцарапанные, все в синяках и ссадинах. Затуманенное от пара зеркало плохо отражало их реальный цвет, и Ритка посмотрела вниз – ноги были просто ужасны: ниже колен они имели странный, неестественно синий оттенок. Маленькие, аккуратные пальчики на ногах тоже были странно-синими, к непогоде распухали и синели еще больше. Они навсегда останутся такими? Этот цвет они приобрели после

того случая на мосту.

Нет, об этом она точно не будет сейчас вспоминать! Ей вполне достаточно ночных кошмаров и ноющей, изматывающей боли – ее ноги часто ныли так сильно, что она не знала, куда их деть, куда положить. Бывали минуты, когда она жалела, что их не отрезали.

Подошла к зеркалу совсем близко – она это или нет? Вгляделась придирчиво. Нос на месте, губы тоже, глаза и уши – в порядке. На нее смотрела незнакомка – коротковатые, но уже успевшие отрасти от последнего бритья наголо волосы цвета спелой пшеницы, небольшой, правильной формы носик, пухлые губки бантиком, темно-русые брови могли украсить самую очаровательную русскую барышню из самой что ни на есть русской северной губернии – но все портили глаза, точнее, их выражение. Настороженные, недоверчивые, серо-стальные – слишком взрослые для такого юного личика, они смотрели в упор на свою хозяйку, и ей стало неудобно под этим пристальным взглядом.

На вешалке висела чужая одежда. Вместо привычных штанов и рубахи, давно потерявших первоначальный цвет, Ритке пришлось надеть странно пахнущее серое платье с высоким глухим воротником-стойкой и множеством блестящих пуговичек от запястья до локтя. Она засмотрелась на пуговички – красиво... Платье оказалось почти впору, разве что широковато. Помялась, раздумывая, натягивать ли непривычные для нее чулки, глянула оценивающе на свои

синие щиколотки – и надела.

Тихо прикрыла дверь ванной, легкими бесшумными шагами скользнула по коридору. Голод голодом, а сначала нужно все разведать. Прикинуть, как отсюда ноги делать в случае чего. В доме было много комнат и высокие сводчатые потолки. Множество окон – все разные по размеру и форме. Окна – это хорошо, очень хорошо: всегда можно убежать через окно. Бесшумно взлетела по лестнице, устланной ковром. На втором этаже – балконы. Это тоже неплохо. Спустилась снова вниз. Из столовой доносились возбужденные голоса. К гостиной примыкал зимний сад – там легко можно спрятаться, а потом удрать. Апа говорила: «У мудрого зайца три выхода из норы».

По запаху легко обнаружила просторную светлую кухню, увидела, как у плиты священнодействует круглолицый повар-китаец неопределенного возраста, маленький, с жутко важным видом. Кухонные полки заставлены многочисленными кастрюлями и чанами, вазами, тарелками, пиалами. В углу стояли клетки с желтыми попискивающими цыплятами и корзины: большие – с оранжевыми дынями, поменьше – с зелеными помело и блестящими красными яблоками. На столе – гроздь крупных ярко-желтых бананов.

Повар держал в руках клетку с довольно большим зверьком, похожим на крысу, и задумчиво присматривался к нему. Зверек в свою очередь внимательно смотрел на китайца умными блестящими глазками. Ритка замерла в недоуме-

нии: что делает на кухне домашний любимец? Внезапно повар поставил клетку в большой таз, взял с плиты кастрюлю с кипятком и вылил кипящую воду на живого зверька. Раздался пронзительный писк, и Ритка невольно ахнула.

Повар обернулся и уже открыл рот для возмущенных восклицаний – незнакомка, да в самом святом месте хозяйского дома – на кухне, но Ритка спешно покивала головой как болванчик, заговорила на китайском, и китаец размяк: вид у барышни, да еще и родственницы хозяев, был самый невинный. Ритка зашла в кухню, стараясь не смотреть на тушку заживо сваренного зверька. Познакомились: повара звали Юнь. Перебросились парой слов – и пришлось уходить: задержка на кухне гостыи может быть подозрительна.

Ритка медленно пошла по коридору. Нужно будет узнать всех живущих в доме – может пригодиться, хотя они с бабушкой вряд ли здесь задержатся больше, чем на неделю. Куда пойдут потом? Их никто не ждет в Синьцзяне. Да и вообще во всем мире. Где и на что они будут жить? А если их поймают и отправят обратно в лагерь? Может, это будет не таким уж плохим вариантом? Там хоть грязно, голодно и холодно, зато все привычно и знакомо. Там Апа. Она даже роднее бабушки, которая совсем не знает ее, Ритку, – такую, какой она стала сейчас.

Старая китаянка. 1930-е годы

Легкое прикосновение обожгло плечо – девочка резко развернулась: перед ней стояла пожилая женщина, очень похожая на ее Апу. Но это была не Апа, это была ама – ня-ня-китаянка. Худая и миниатюрная, как многие китаянки, с черными, почти без седины, волосами, выбившимися из заплетенной сзади длинной косички, она выглядела моложаво в полутьме коридора, но Ритка мгновенно разглядела и морщинистое лицо, и усталый взгляд все на свете повидавших глаз. Звали аму Ли Янь. Нужно всегда спрашивать имена – это может пригодиться. На китаянке были надеты несколько мешковатые зеленые штаны и такого же цвета широкий шелковый жакет.

Ритка льстиво заулыбалась, склонила голову – скромная и тихая барышня чуть-чуть заблудилась в чужих апартаментах. Маленькая пантера, прикинувшаяся домашней кошечкой. Быстро глянула исподлобья: старая китаянка смотрела пристально и пронизательно – так же, как ее Апа. Да, эта ама прожила много лет на свете, ее не проведешь притворной кротостью. Рита послушно пошла за Ли Янь в столовую.

Каму нара харашо, каму низа пылоха

Оказалось, в этом доме таких ваннных комнат было несколько – для хозяев и гостей, – и бабушка с Лидочкой, чистые, раздумянившиеся, уже ждали Ритку в столовой, большой, со стеклянными дверями и камином. От накрытого стола тянуло такими запахами, что голова закружилась.

Бабушка и Лидочка тоже переоделись. Бабушка утонула в шелковом розовом халате своей младшей сестры. У Лидочки головка безвольно свешивалась: она успела незаметно стащить что-то со стола, проглотила, почти не жуя, и, оглушенная непривычной пищей, тяжелой дорогой и многочисленными впечатлениями последних суток, отключилась – даже накрытый стол не вдохновлял больше ее маленький больной желудок. Хорошо, что у нее, Ритки, сестра, а не брат: сестру хоть немного жалко, а брата она бы ненавидела.

Прислушалась к себе – все тихо, опасности пока никакой не предвидится. Осмотрелась: народу прибавилось. Этот толстый, важный, должно быть, дядя – муж чирикающей тетюшки. А нарядные девочки-близнецы, по всей видимости, Нюша и Ксюша. Мальчишка лет тринадцати, такой же крупный и толстый, как дядька, видимо, брат близняшек (бабушка уже рассказывала внукам о семье двоюродной сестры, по

мужу Родионовой).

Ритка оценила расстановку сил. Да, они с Лидой и бабушкой, даже тщательно отмытые и наряженные в чужую одежду, в этом чудесном доме похожи на кучку булыжников в сверкающей витрине ювелирного магазина. В лагере шутили на пиджине: «Каму нара харашо, каму низа пылоха»⁴. Ритка очень ясно чувствовала: они с бабушкой – самый-самый «низа».

Тетка назвала по имени всех своих. Дядя Миша – начальник, только Ритка не поняла какой, тетка слишком быстро прочирикала незнакомое слово. Анна, или по-домашнему Нюша, сидит рядом и смотрит на нее, Ритку, внимательно, ласково. Красивая девочка: большие голубые глаза, длинные черные ресницы, пышные белокурые волосы. Ксюша – вылитая Нюша, но, если присмотреться, то заметишь отличия: Ксюша полнее, надменнее, глаза не такие большие, или это она просто смотрит так, прищурившись?

Толстый мальчишка – Лёня, глянул на Ритку, скривился и отвернулся. Покорчи мне рожи, толстяк! Ей захотелось вмазать этому Лёне прямо в лоб, аж правая рука зачесалась. Она вообще терпеть не могла весь мужской род, а тут еще этот свиненок рожи ей корчить вздумал... погоди, ты у меня покривляешься...

Вообще все Родионовы, кроме Нюши, смотрели настороженно. Правильно смотрели – она, Ритка, тоже бы напряг-

⁴ Кто на нарах – хорошо, кто под нарами – плохо (*пиджин*).

лась: не слишком ли много желающих на наше добро зарится?! Да еще и одежду чужую позаимствовали...

Посмотрела на стол и мысленно ахнула. В лагере кормили так, что и с голоду не помрешь, и сыт не будешь. Суп – вода и горсть риса или лапши. Каша – горсть крупы на воде. Баланда, она и есть баланда. Жрать хотелось постоянно. Апа знала, на кого можно положиться, – всегда отправляла свою Ритату (так она звала Ритку) на поиски съедобного. Это могли быть ягоды с дикорастущих кустарников, ворованные яблоки из местных садов, выпрошенное молоко (Апа всегда знала, у кого можно попросить молока для самых маленьких).

Ритка тоже пила молоко, хоть и не самая маленькая. Кто добывает, тот имеет право на свою долю! Пила с жадностью – и чувствовала, как с этой драгоценной, самой вкусной на свете жидкостью в ее худое тело вливается сила жизни, как наливаются мышцы и хочется бежать далеко-далеко или плыть по реке. Она росла крепкой и здоровой – ни разу не болела после тюрьмы в Куре, только вот ноги у нее сильно испортились после моста – это да.

Ест из чашки, а глядит в котел

Если вы думаете, что после крысиных кулинарных ухищрений повара Юня Ритка решила отказаться от мясных блюд – вы сильно ошибаетесь. У тех, кто привык в лагере к червячкам в супе, аппетит так просто не отобьешь! Ритка с вожделием смотрела на накрытый стол – а на столе у Родионовых чего только не было! Все это не просто разложено в тарелки, но искусно украшено.

Правда, совершенно непонятно, какие именно блюда приготовил да-ши-фу – великих дел мастер Юнь (к поварам в Китае отношение самое почтительное, даже если это просто слуга), а повар Юнь приготовил первым делом блюда из риса.

Так готовить рис, как готовят его китайцы, русские не умеют. Рис для китайцев как хлеб для русских. Нужно разбираться во всех сортах, каждый сорт готовить по-особенному, варить только на пару – так, чтобы отдельные зерна не слипались. Порцию риса повар Юнь доставал руками из огромного сита, висящего над котлом, раскладывал на блюде, уминал руками в виде яйца, посыпал тростниковым сахаром. А то еще заворачивал искусно сваренный рис со всеми приправами в лепешки из теста, опускал в кипящее масло и быстро доставал тающие во рту нежнейшие пампушки.

В общем, рассказывать долго, а проглотила Ритка свою

пампушку мгновенно. Ньюша показала ей на чашечку с соей – одновременно и соль, и приправу, но у Ритки и без приправы еда хорошо пошла. Глаза разбегались, и она не знала, что отправить в рот первым. Вспомнила, как Апа говорила: «Ест из чашки, а глядит в котел», – но продолжала лихорадочно пихать в рот все, что удавалось достать. Заметила, как поджала перламутровые губки тетка, да пускай поджигает!

А на столе красовалось много других пампушек и лепешек – сладких и соленых, с тмином и маком, а также рыба и шарики из креветок, лапша и тофу, жареные бобы и зелень: стебли гороха, салат, сельдерей, листья горчицы. В нескольких вазочках лежали совершенно непонятные продукты, Ритка проглотила содержимое одной из вазочек: безумно вкусно! На десерт полагалась, конечно, знаменитая медовая синьцзянская дыня-хамигуа с ярко-оранжевой мякотью и кожурой. Ее Ритка ела уже медленно.

Ритка не была невеждой в том, что касалось китайской кухни. Ха! Она могла бы дать фору по своим знаниям любому янжэнь⁵. Правда, ее знания были чисто теоретические – из рассказов Апы. С самым жадным любопытством они с Рукией слушали, когда Апа мечтательно вспоминала о еде. Их наставница явно видала лучшие времена и жила когда-то в богатом доме. Ритка узнала от нее, что для китайцев еда – это не просто быстро перекусить, а очень важное занятие. Церемония.

⁵ Янжэнь (*кит.*) – иностранец, чужеземец, чаще европейской внешности.

На одно русское слово «тушить» у китайцев приходится полдюжины понятий, каждое из которых отличается по значению, а одно из китайских приветствий звучит так: «Ни чифаньла ма?»⁶ А уж если китайцу хочется поговорить, он обязательно спросит, что именно вы съели сегодня и когда снова собираетесь кушать: ведь это так приятно – говорить о еде! Ритка была согласна в этом с китайцами на все сто!

У русских – что? Варить, тушить, жарить. Съел – и порядок. У китайцев имеет значение не только вкус, но и ощущения от еды: упругая рыба, сваренная на пару, хрустящие шарики из креветок, жаренные во фритюре, мягкий желеобразный тофу, рассыпчатый рис. Хорошо, когда есть еда со всеми вкусами: соленая и сладкая, горькая и острая, кислая и пряная. Блюда китайцы ставят на стол не хаотически, а обдуманно, подбирая их по цвету. Никаких резких контрастов: цвета сочетаются так, чтобы глазу было приятно! Продукты нарезаются искусно зернышками и соломкой, в виде колосьев пшеницы и лепестков хризантемы, из них складывают фигуры птиц, рыб, драконов и даже целые пейзажи. Красотища!

А чай?! Зеленый чай из провинции Чжэцзян, чай улун, занимающий промежуточное положение между зеленым и красным, красный чай, желтый чай янтарного цвета, секрет изготовления которого когда-то тщательно оберегался от иностранцев, чай пуэр из провинции Юньнань и белый чай,

⁶ Вы покушали? (кит.).

что проясняет ум и прогоняет внутренний жар. А китайские чайные дома и чайные церемонии?!

Русские считают по головам, китайцы – по ртам, даже слово «население» в Китае означает «людские рты». Про еду придумано множество поговорок, например: «Вонючие утиные яйца сами себя хвалят»; «Пожертвуйте сливой ради персика» – совет уступить в малом, чтобы получить большее; о завистнике говорят: «уксус съел»; про того, кто обманул кого-то, скажут: «съел его тофу», да много чего...

Одним словом, теоретически в китайской еде Ритка хорошо подкована (здоровья тебе, Апа!), а вот практика ей давалась с трудом. Что из этих продуктов тофу? Где креветки? Она просто глотала все подряд, почти не жуя, что совсем не в китайских традициях отношения к еде. Наелась, но продолжала лопать, пока совсем не осоловела и голова не стала клониться набок, как у бедной Лидочки.

Но и тут не позволила себе отключиться: стала думать, как спрятать под одеждой и унести хоть что-то из снеди. К счастью, в платье были карманы, и Ритка незаметно для окружающих одну за другой спрятала там две лепешки. Еще бы чего-нибудь стащить... Ладно – она это сделает после обеда. Совершит еще одну «экскурсию» на кухню – похвалит великих дел мастера Юня, а заодно позаимствует что-нибудь из съестных припасов впрок. Когда их погонят поганой метлой из этого особняка (а случится это скоро, зуб даю) – у них будут припасы на первое время.

И курица улетела, и яйца разбились

После обеда бабушка и Лидочка отправились вздремнуть, причем Лидочку дядя Миша отнес в приготовленную для них гостевую комнату на руках. Ритке предложили для отдыха кушетку в спальне девочек, и конечно, она не легла спать: Ньюша и Ксюша хоть и молчали вежливо, но рассматривали ее с таким неутомимым любопытством, что она почувствовала себя зверьком в клетке.

Знакомство закончилось, не успев начаться. В комнату заглянул Лёня и громко предложил:

– Ну что, новоявленная родственница, поведай нам свою биографию!

Нюша возразила:

– Маргарита устала с дороги, невежливо ее расспрашивать, когда ей нужно отдохнуть.

Ксюша заметила:

– Так она все равно не спит! Нам же хочется пообщаться с сестрой! Маргарита, не будете ли вы так любезны поделиться с нами: как вы добрались до Урумчи? Как вам понравился наш город, наш скромный домик? А у вас там, в Кульдже, большой дом?

Ритка угрюмо молчала. Как они добрались? В трясущемся кузове грузовика, среди грязных мешков с картошкой. На пригорках и ухабах подлетали вверх и опускались вниз, сту-

каясь с размаху о дно кузова, – хорошо, картошка смягчала удары. При каждой остановке затаивали дыхание, ожидали грубого окрика и боялись, что один из патрулей обнаружит их и вернет в лагерь, где будут долго бить, а может, убьют совсем.

Дом в Кульдже у них действительно был большой: обнесенный стеной лагерь на пять тысяч пленников со своими бараками, отделениями и разными режимами – от строжайшего для мужчин до более мягкого для инвалидов и стариков, и даже с некоторой свободой выхода для детей – бежать им все равно некуда, а в лагере хоть кормили.

Лёня скорчил ехидную рожу:

– Невежливо молчать и игнорировать вопросы, барышня! Впрочем, возможно, вам есть что скрывать... Только тайное быстро становится явным, так же как сворованные вами лепешки уже украсили жиром карманы бедного платья, тоже, кстати, снятого с чужого плеча!

У Ритки потемнело в глазах. Она молча встала, быстро подошла к братцу. Какая противная рожа, еще за обедом хотелось дать в лоб...

– Ой, барышня, вы, кажется, хотите мне сделать реприманд⁷, барышня, – насмешливо протянул толстяк.

И он тут же действительно получил свой «реприманд». Натренированным в лагерных драках движением Ритка резко ударила его в нос.

⁷ Реприманд (от *фр.* réprimande) – выговор, упрек, укор.

Когда-то давно, когда она ударила так в первый раз, – вывихнула большой палец, и охающая Апа ставила ей этот палец на место. Рукия тогда плакала вместо Ритки, а сама пострадавшая, вцепившись зубами в другую руку, молчала. Зато теперь она знала, как бить правильно, и предусмотрительно убрала большой палец: он должен быть не внутри кулака, а снаружи – тогда все пройдет классно.

В нос бить очень хорошо, гораздо лучше, чем в подбородок. Во-первых, самой не так больно: хрящик носа мягкий. Во-вторых, каким бы хладнокровным ни был обидчик, после точного удара у него тут же потечет кровь, а из глаз хлынут слезы. Слезные каналы расположены рядом – хочешь не хочешь, а заплачешь. Потеряешь лицо.

Ударила вполсилы: обида несмертельная, чего уж там. И лепешки зря в карман засунула, нужно было потерпеть и потом с кухни стащить. Еще и платье чужое испортила. Но все равно с силой удара перестаралась: не учла непривычно сытный обед, прибавивший энергии в и так не хилые руки.

Лёня закричал от боли, из носа обильно потекла кровь, из глаз брызнули слезы. Ксюша неожиданно злорадно захихикала, а Нюша печально сказала:

– А вы, оказывается, злая, Маргарита!

На крик сына тут же явился дядя Миша. Лёня не мог вымолвить ни слова, алая кровь обильно текла по подбородку, капала на белую рубашку. Ксюша перестала хихикать и пожаловалась отцу:

– Папа, а Маргарита – бешеная! Она Лёначке нос сломала! Он ее никак не обидел, только заметил, что она утащила со стола лепешки и испортила жиром все платье! А она его ударила! Кулаком, с размаху – как хулиганка!

Дядька так смешно захлопал глазами, что Ритка фыркнула от смеха.

– Что ты себе позволяешь, Маргарита?! Подойди, пожалуйста, ко мне!

Но Ритка скользнула мимо толстяка за дверь. Дядя Миша тяжело потопал следом. Ха, разве угнаться ему за ней?! Вихрем пронеслась по коридору и выскочила из особняка на улицу. Огляделась. Далеко убежать она пока не станет, от такого стола убежать – надо круглым дураком быть, но и схватить себя, скажем, за ухо или даже за локоть, чтобы читать нравоучения, – этого она тоже не допустит.

На другой стороне пыльной желтой дороги росло высокое дерево, и Ритка мгновенно, почище любой обезьяны, – и набитый под завязку живот не помешал – вскарабкалась на недосыгаемую для дядьки высоту.

Дядя Миша, тяжело дыша, пересек дорогу, подобрался к дереву и, задрав голову, с трудом переводя дыхание, начал воспитательный процесс, а его племянница насмешливо поглядывала вниз и от полноты чувств громко насвистывала любимую лагерную песню:

Сонца ю-ла и мию-ла,

Чегэ фанза бу шанго,
Караула сыпи-ла ю-ла,
Мая фангули акыно.

Ритка очень любила эту песенку и еще при первой встрече спела ее бабушке и Лидочке, но они оказались не в состоянии оценить душевности песни и исполнительницы и удивленно захлопали глазами. Ритка попыталась перевести:

Солнце всходит и заходит.
Этот дом нехороший.
Караул уснул,
Я сломал окно.

Но с переводом песенка утратила свою душевность, или Ритка просто была плохим переводчиком...

Возможно, все закончилось бы не так плохо, если бы как раз в этот день и час у соседей не вырвался из конюшни полуторагодовалый бык, приведенный с дальнего пастбища для первого в его жизни покрытия коров. Пока его еще только собирались доставить к этим самым коровам, но он уже изрядно мандражировал и, с легкостью выбравшись из отдельного загона, отправился прогуляться и выпустить пар. Увидев пляшущую прямо перед его носом на дороге толстую фигуру, бык отчего-то занервничал еще сильнее и, набирая скорость, раздувая ноздри, ринулся в атаку.

С дикими воплями дядя Миша потрусил через дорогу в

дом, где на крыльце, привлеченные его криками, уже застыли его домочадцы, а также бедная пунцовая от стыда за внучку бабушка. Огромный темно-коричневый бык с треугольным белым пятном на широком лбу нервно покопался у дерева, от расстройства наделал пару дымящихся горок и был со всеми необходимыми предосторожностями благополучно эвакуирован подбежавшими соседями.

В довершение истории, спускаясь с дерева, Ритка зацепилась карманом за ветку и выронила одну из значенных за обедом пампушек прямо в бычью лепешку – так что реализации ее добыча уже не подлежала. А вернувшись в особняк, беглянка выслушала понутив голову теперь уже настоящий реприманд – от бабушки. Вот так не слишком удачно сложился ее первый день на свободе. Как сказала бы по этому поводу Апа: «И курица улетела, и яйца разбились».

Погонщики мулов

Но самое худшее случилось в самом конце этого долгого дня, который так манил предвкушением счастья, но принес только разочарование. Это случилось, когда уже видели сладкие сны Ксюша и Нюша, обиженно посапывал больным носом Лёня, тихо хныкала во сне от ноющей боли в животе бедная Лидочка и громко храпел дядя Миша. Ритка, с трудом преодолевая нахлынувшую дрему, жестко, до боли, рас-

тирая слипающиеся глаза, отправилась на разведку – и вовремя: она подслушала разговор бабушки с младшей сестрой. Голос бабушки был почти не слышен, тихий, мягкий, просительный, зато голос тетки, уже не чирикающий, а скорее каркающий, был слышен хорошо:

– Лиза, ты меня, конечно, прости, но твоя старшая внучка – это просто какое-то чудовище. И я ее в своем доме оставить просто не могу. Хочешь обижайся, хочешь нет – она за один день сломала нос Лёнечке и довела почти до инфаркта Михаила. Это не ребенок, это зверь! Думаешь, в лагере ее чекисты добру научили?! Я почти уверена, что она, ну ты понимаешь, что она... – тетка замялась, потом выпалила: – Она и невинность наверняка потеряла! Ты видела, как она смотрит?! У меня мурашки по коже от ее взгляда! А у меня девочки растут!

Тихий голос бабушки. Ритка напряглась, сжалась в комок. Зверь? Да, она зверь! И будет зверем! Перебивая робкие возражения бабушки, снова послышался напористый теткин голос:

– Ее нужно отдать! Как куда отдать?! Ну, я не знаю... В детский дом... В услужение... Не проси, Лиза! Я мать и должна защищать в первую очередь своих собственных детей! Ты же видишь, ей сломали всю психику, она же совершенно больная! Взгляни на вещи здраво: Рита была в исправительной колонии – и ее «исправили» на всю жизнь! Мне очень-очень жаль открывать тебе глаза на реальность,

но она, скорее всего, никогда не станет нормальным человеком! Вы с Лидочкой можете остаться в нашем доме, но, к сожалению, Маргариту я приютить у себя никак не могу! Ну, не плачь, Лиза! Что ты бормочешь? Уйдете втроем?! Будь благоразумна, сестра... Я ведь не призываю тебя отправить ее обратно в лагерь. Детский дом – очень хорошо, там заботятся о детях. А если девочка вдруг хоть немножко перевоспитается, возможно, мы возьмем ее обратно...

Ритка больше не стала слушать, на цыпочках вернулась в маленькую комнату, отведенную им с Лидочкой, залезла в кровать. Она уже забыла, что такое кровать, одеяло, подушка, и сейчас ей впору бы наслаждаться жизнью: сытной едой, чистотой тела, покоем сна, но, видимо, у судьбы имелись на нее другие планы. Ритка решила: «Уйду. Подкормлюсь несколько дней, сделаю припасы и уйду. Нельзя допустить, чтобы бабушка с Лидкой оказались на улице из-за меня».

Она не будет плакать по этому поводу – она железная и бесстрашная и легко сумеет прокормить себя. Она станет наемным убийцей, будет убивать и получать за это деньги. Несмотря на потрясение, усталость взяла свое, и девочка заснула тяжелым сном. Во сне Ритка стонала, а подушка ее постепенно становилась мокрой. Она плакала во сне – и не знала об этом.

Есть судьба – встретишься, нет судьбы – разминешься

Где же искать начало этой повести? Как случилось, что родилась в Урумчи сероглазая и русоволосая Ритка? Нет, не понять ее жизни, если не узнать о ее родных: дедушке и бабушке, матери и отце. Судьбы наши во многом зависят от жизни наших предков, так дерево растет себе ввысь, питаясь от корней, выбрасывая все новые побеги.

Давайте совершим путешествие в прошлое и окунемся в жизнь провинции Синьцзян и ее столицы Урумчи в начале двадцатого века. Вы скажете, что это сложно. Но не сложнее, чем оказалось такое путешествие для доктора Дубровина.

Мог ли предугадать молодой русский дворянин, военный врач Константин Петрович Дубровин, что надолго задержится в Синьцзяне? Когда начальство в 1904 году отправило его потрудиться в первой русской миссии в Урумчи, поездка казалась ему просто небольшим приключением, возможностью увидеть далекий и таинственный Китай – единственное государство древности, дожившее до наших дней. Юная супруга Дубровина, Елизавета Павловна, урожденная Голицына, тоненькая, светловолосая, тоже была настроена на недолгое романтическое путешествие.

Огромная провинция Синьцзян много веков называлась

Уйгурстаном. Китайцы, завоевавшие Уйгурстан в восемнадцатом веке, стали называть провинцию Синьцзяном, то есть Новой границей. Приехав в Урумчи, Дубровины обнаружили, что здесь живут не только китайцы, но и уйгуры, дунгане, монголы, казахи, киргизы, татары, узбеки, таджики. Молодой врач начал лечить всех больных с одинаковым усердием, невзирая на национальность и толщину кошелька.

В те годы русского посольства в Урумчи не было, работала только небольшая миссия, и первое время семья врача жила при миссии. Дубровины соорудили в одном из домиков настоящий больничный комплекс: приемное отделение, стационар на пять коек и аптеку. Во дворе выкопали колодец, а на заднем дворе поставили дощатый туалет, приготовили бочку для грязных бинтов, повязок и прочих больничных отходов, которые обычно заливались хлорной известью, а потом вывозились и закапывались или сжигались.

В аптеке главной драгоценностью были аптекарские весы. Здесь же хранился запас медикаментов, регулярно пополняемый из России.

Елизавета Павловна помогала мужу во всех его лечебных делах. В этой очаровательной юной помощнице прекрасно сочетались достоинство и благородство ее знатного дворянского рода, который веками служил царю и Отечеству, и трудолюбие, выносливость и стойкость в тяжелых испытаниях, что свойственны простым русским женщинам. Она записывала пациентов, подавала лекарства, ухаживала за больны-

ми, не гнушалась сменить грязное белье страдающим кровавой дизентерией.

Скоро нашлась и помощница-китаянка, которая стала прибирать в стационаре, носить воду, готовить для больных и семьи доктора. На закрытой веранде устроили склад: здесь хранились казенное белье, матрасы, корыта для стирки и стиральные доски.

Елизавета Павловна быстро научилась топить печь. Длинными зимними вечерами при свете керосиновых ламп доктор изучал свои медицинские книги, вел истории болезней, а его супруга шила, штопала или вязала. В юности она брала уроки кройки и шитья для развлечения, а теперь ей это пригодилось в дальних краях: она полностью обшивала свою маленькую пока семью. Время от времени, чтобы отдохнуть от работы, Константин Петрович читал супруге что-нибудь из художественной литературы, и это сильно скрашивало их семейный быт и утешало обоих.

Когда керосин заканчивался, зажигали чирик⁸. Чирик нещадно коптил, жизнь шла своим чередом. Из окон домика видны были захватывающие дух снежные пики Тянь-Шаня. Чистейший воздух пьянил без вина, родниковая сладкая вода дарила здоровье и силы.

Постепенно Дубровины полюбили Синьцзян, а местные полюбили Дубровиных: самоотверженного, благородного врача и его добрую, внимательную к больным супругу.

⁸ Чирик – пузырек с постным маслом и фитилем из бинта.

Спустя десятилетия эта искренняя любовь сохранила жизнь
Елизавете Павловне и ее внучкам.

Званный обед и бой сверчков

С первых дней своей жизни в Синьцзяне Дубровины познакомились с местной кухней: волей-неволей им приходилось переходить на сложившееся веками меню простых китайских крестьян.

На севере Китая чаще ели пшено, на юге – рис. Еще на севере пекли лепешки и варили на парú булочки, на юге же ни лепешек, ни булочек не знали, а вареный рис заворачивали в листья растений. Было и общее: и там и там мясо готовили только по большим праздникам и не употребляли в пищу молочных продуктов. Коров не разводили вследствие отсутствия лугов, в гористых местах иногда, правда, держали коз, искавших себе корм на горных склонах. К этому нужно добавить, что большинство китайцев имели врожденную непереносимость лактозы, поэтому желание русских отведать молочка было им совершенно непонятно.

Пришлось Дубровиным забыть и о сливочном масле, и о молоке, а также о твороге и сметане. Чаще всего рацион русского доктора и его супруги состоял из лапши или риса, пшенной каши, вареных кусочков теста, а также гуамяни⁹.

На базаре в воскресные дни выбор был довольно большой, но не всем по карману. Дубровины ходили на базар как в

⁹ Гуамяни – вермишель из гороховой муки, сдабриваемая соусом.

театр – глаза разбегались, и перед ними оказывались совершенно незнакомые фрукты, неизвестная рыба. Как раз о них Дубровины читали в книге Ивана Александровича Гончарова, прибывшего когда-то в Шанхай на фрегате «Паллада»: «Самый род товаров, развешенных и разложенных в лавках, большею частью заставляет отворачивать глаза и нос. Там видны сырые, печеные и вяленые мяса, рыба, раки, слизняки и тому подобная дрянь. Тут же подвижная лавочка, с жаровней и кастрюлей, с какой-нибудь лапшой или киселем, студенью, в которые пристально не хочется вглядываться. Или сейчас же рядом совсем противное: лавка с фруктами и зеленью так и тянет к себе: ананасы, мангустаны, арбузы, мангу, огурцы, бананы навалены грудями. Среди этого увидишь старого китайца, с седой косой, голого, но в очках; он сидит и торгует...

В лавочках, у открытых дверей, расположены припасы на показ: рыбы разных сортов и видов – вяленая, соленая, сушеная, свежая, одна в виде сабли, так и называется саблей, другая с раздвоенной головой, там круглая, здесь плоская, далее раки, шримсы, морские плоды... Отдохнешь у лавки с плодами: тут и для глаз, и для носа хорошо. С удивлением взглянете вы на исполинские лимоны – апельсины, которые англичане называют пампль-мусс. Они величиной с голову шести-семилетнего ребенка; кожа в полтора пальца толщины. Их подают к десерту, но не знаю зачем: есть нельзя. Мы попробовали было, да никуда не годится: ни кислоты лимона

нет, ни сладости апельсина. Говорят, они теперь неспелые, что, созревши, кожа делается тоньше и плод тогда сладок: разве так...

Тут был и еще плод овальный, похожий на померанец, поменьше грецкого ореха; я забыл его название. Я взял попробовать, раскусил и выбросил: еще хуже пампль-мусса. Китайцы засмеялись вокруг, и недаром, как я узнал после. Были еще так называемые жужубы, мелкие, сухие фиги с одной маленькой косточкой внутри. Они сладки – про них больше нечего сказать; разве еще, что они напоминают собой немного вкус фиников: та же приторная, бесхарактерная сладость, так же вязнет в зубах...»

Но больше всего поразили Дубровиных подвешенные под навесом железные клетки с живыми змеями: их выбирали и покупали для пищи, ведь мясо змеи делает мудрее и хитрее, а мясо, например, собаки исцеляет от болезней. Однако русский врач и его супруга так и не привыкли есть ни змей, ни собак, ни прочей подобной им живности.

Как-то их пригласили на званый обед к богатому китайскому купцу. Началась трапеза неспешно – с чаепития. Чай оказался слабый, без сахара, но душистый и приятный на вкус. После чая на стол поставили закуску: ломтики редьки, пикули, маленькие кусочки холодного мяса с уксусом и красным перцем, вареные на пару булочки и утиные лапки, у которых съедались плавательные перепонки. Все закуски брались палочками из больших общих блюд.

Самыми странными из закусок Дубровиным показались тофу и соленые яйца необычного цвета. Глава русской миссии, немолодой архимандрит Гурий с длинной серебристой бородой, прекрасно владеющий китайским языком и знающий местные обычаи, объяснил, что эти яйца китайцы обычно варят в соленой воде, обмазывают известью, золой и листьями растений, а затем закапывают в землю на два года. Зачем держать их в земле два года и почему бы не съесть свежими – сие Дубровиным было совершенно непонятно.

Елизавета Павловна смотрела на яйцо с опаской: желток у него бурого цвета, а белок синего. Константин Петрович по доброте душевной не мог обидеть радушного хозяина и мужественно отведал яйцо: оно немного пахло аммиаком, но оказалось вполне съедобным.

Затем гостям подали суп из ласточкиных гнезд, по мнению китайцев, крайне полезный для здоровья. К супу принесли маленькие фарфоровые ложечки. Дубровины, привыкшие к наваристым щам и борщам, и тут сконфузились: суп представлял собой бесцветный соленый бульон, в котором плавало несколько волокон (ласточки вили гнезда в основном из водорослей).

В течение обеда гостям несколько раз подавали горячие влажные салфетки, и все принимались дружно обтирать лица и руки. Дубровины присоединились к процедуре и почувствовали, что она действительно прекрасно освежает.

Еще одной особенностью китайского обеда оказалось

сбрасывание остатков пищи, косточек, шелухи и кожуры прямо на пол – считалось, что это гораздо аккуратнее, чем оставлять их на столе.

После супа принесли свинину, посыпанную кунжутом, в окружении черных древесных грибов, с кисло-сладким соусом. В центр стола поставили большую тарелку с чем-то совершенно непонятным. Дубровины пригляделись: это были уши! Отец Гурий успокоил Елизавету Павловну:

– Не бойтесь: мясо у китайской черной свиньи вкусное, а ее длинные висячие уши довольно нежные. Я-то мяса не ем, а вы попробуйте – очень своеобразное блюдо...

К свинине подали крохотные чашечки – на пару глотков. В них тут же, при гостях, стали наливать из маленьких чайничков горячую жидкость. Елизавета Павловна тихо спросила у мужа:

– Костя, это тоже чай?

– Сомневаюсь, Лизонька. Думаю, это что-то покрепче чая.

Горячая жидкость оказалась китайской водкой из проса – пахла она сивухой и отличалась крепостью. Доктору пришлось выпить, а его супруга лишь пригубила, дабы отказом не обидеть хозяина.

После свинины принесли мелко наструганную соленую рыбу с вареными ростками бамбука, по вкусу похожими на спаржу. Еще на столе красовались какие-то овощи, обваленные в сухарях и поджаренные на масле. Константин Петрович попробовал: вкус знакомый, но что это – непонятно. Раз-

гадку подсказал отец Гурий:

– Понравилась вам, Константин Петрович, сия вареная редиска? У нас в России ее не варят, сырую едят... Попробуйте еще китайскую капусту – она не завивает кочаны, как обычная капуста, а растет столбиком из листьев.

На десерт принесли маленькие пирожки. Елизавета Павловна попробовала и радостно улыбнулась – пирожки оказались очень вкусные и все с разной начинкой: из сушеных абрикосов, грецких орехов, очищенных арбузных косточек, и даже знакомые с детства – с яблоками. Принесли также китайские пирожные и конфеты – разные по форме, но похожие по вкусу, поскольку в их состав входил плохо очищенный сахар из сахарного тростника.

Чашечки с горячей водкой из проса заменили на чашки с рисовым вином, желтым и немного мутным, но на вкус довольно приятным. В завершение трапезы каждому гостю вручили по пиале с отварным рисом, им по обычаю полагалось заканчивать праздничный обед.

Затем мужчины закурили китайский кальян – водяные трубки с маленькой емкостью, которые следовало держать в руке. Табак для этого кальяна имел красно-коричневый цвет и был смешан с какой-то солью. Дубровин из вежливости пару раз приложился к трубке, стараясь не вдыхать глубоко.

В конце приема любезный хозяин решил развлечь гостей традиционным для Китая боем сверчков. Елизавета Павловна засомневалась: принимать ли участие в таком странном

развлечении? Но Константин Петрович шепнул супруге:

– Лизонька, пойдем посмотрим, неудобно отказываться. В Европе кровавые бои петухов да быков устраивают, а здесь – всего лишь сверчками забавляются... Невинная забава – давай уважим хозяина, ведь это говорит о миролюбии китайцев...

Хозяин торжественно поставил на стол большую чашу – она служила ареной для боя. Один из гостей достал глиняный домик, который оказался жилищем крупного сверчка. Елизавета Павловна заглянула внутрь: из домика показались длинные усы и мощные челюсти его маленького жильца по прозвищу Большой Зуб. В его жилище стояли две крошечные миски: одна с рисом, другая с водой – дневной рацион Большого Зуба.

Первого сверчка посадили на арену, и хозяин принес в колпачке из проволочной сетки второго сверчка – еще более крупного, темного цвета и с большой черной головой, по прозвищу Грозный Ус.

Гости устали сидеть на арену, заговорили, зашумели, тут же начали делать ставки и заключать пари, а сверчки тем временем сидели неподвижно, не проявляя никакого интереса друг к другу. Константин Петрович спросил отца архимандрита:

– О чем размышляют эти сверчки?

Тот улыбнулся:

– Может, о своих семьях...

– О каких таких семьях?

– Ну, для того, чтобы участвовать в боях, сверчок должен быть женатым: женатому сверчку есть что защищать.

Хозяин между тем стал щекотать своего воина длинной кисточкой, слегка подталкивая его навстречу противнику.

Грозный Ус встрепенулся и вдруг кинулся на Большого Зуба, принялся кусать и толкать его. Большой Зуб тоже заработал челюстями, но не так активно. Он отступал и отступал к краю арены под горестные причитания своего владельца и в конце концов оказался выброшенным из чашки.

Константин Петрович спросил:

– И какова участь побежденного?

Отец архимандрит снова улыбнулся:

– Участь побежденного гораздо лучше участи победителя: его выпустят на волю. Считается, что, проиграв один раз, он больше не сможет обрести силы духа и победить.

Владелец Большого Зуба посадил сверчка в глиняный домик, а потом с поклоном протянул его русскому врачу. Константин Петрович замялся, тогда отец Гурий подсказал:

– Берите смело, это подарок. Большой Зуб больше не боевой сверчок, а домашний: он будет услаждать ваш слух.

– Мой слух?

– Вам не нравится пение сверчков? Еще императоры из династии Тан и их наложницы тринадцать веков назад брали в постель золотые клетки со сверчками, чтобы сладко засыпать под их стрекотание...

Константин Петрович принял странный подарок, но дома они отпустили Большого Зуба на волю. Может, он отправился на поиски своей семьи – кто знает?

Отнюдь не романтическое приключение

Часто доктору приходилось отправляться к тяжелым больным пешком или верхом. Как-то Дубровин решил проведать больного в селении недалеко от Урумчи, а заодно и произвести разведку на предмет лекарственных трав. Светило яркое солнце, аромат разнотравья доносился с лугов, пели птицы.

По пути Дубровин увидел идиллическую картину: на лугу мирно паслось небольшое стадо домашних двугорбых верблюдов – бактрианов (так их называют в отличие от диких двугорбых – хаптагаев и одногорбых – дромадеров). Константин Петрович подошел поближе к стаду. Он как раз недавно читал о местной флоре и фауне и узнал из книги множество интересных фактов. Теперь ему представилась возможность увидеть представителей этой самой фауны в реальности. Молодой врач начал внимательно разглядывать стадо.

Верблюд – животное удивительное. Он довольствуется таким кормом, который больше никто из животных есть не станет: верблюжьей колючкой, полынью, колючими и сухими ветвями саксаула, горькими и солеными травами. Обходится три-четыре дня без воды, может пить даже солоноватую

воду, хорошо переносит и сильную жару, и сильный холод. Широкие верблюжьи ноги легко ступают по сыпучим пескам и могут пройти за день пятьдесят километров. К тому же верблюд намного сильнее лошади и может нести до пятнадцати пудов.

Правда, есть у верблюда и недостатки: он пуглив и упрям. Заяц, выскочивший из-под куста, может вызвать такой переполох в караване, что огромные корабли пустыни просто разбегутся в разные стороны, роняя выюки на ходу. Еще верблюд может рассердиться и оплевать человека жвачкой или заупрямиться и отказаться ложиться под выючку. Не любит он и сырости, и дождя – начинает болеть.

И вот, когда доктор разглядывал стадо и вспоминал все интересные факты о верблюдах, самый большой из них вдруг повернул голову и тоже пристально посмотрел на Константина Петровича. А был это ревнивейший гонный бактриан, обихаживавший своих любезных сердцу верблюдиц.

У верблюда маленькие уши, зато отличное зрение, а мощное обоняние позволяет находить воду в радиусе шестидесяти километров. Еще у него отличная память, позволяющая ему ориентироваться среди барханов и находить дорогу. В данной ситуации сей великолепный представитель мозоле-ногих мог с полной уверенностью прореветь: «Я этого человека не видел раньше. А что ему вообще здесь нужно? Уж не покушается ли он на моих прекрасных верблюдиц?»

Вот тут-то бы доктору и ретироваться, но подвела природ-

ная любознательность: темно-каштановый верблюд был просто великолепен – высотой под три метра и весом килограммов этак восемьсот. Он нервно помахивал довольно коротким хвостом с кисточкой на конце и быстро двигал толстыми мясистыми губами, словно хотел что-то сообщить незнакомцу.

Видимо, решив, что на таком расстоянии Дубровин не услышит его сообщения, верблюд потряс головой и, с каждым шагом набирая скорость, резво двинулся к доктору. Константин Петрович застыл как вкопанный, ошеломленный быстротой, с которой бежало огромное животное. На бегу верблюд издавал странные звуки: он то свистел, то ревел, то словно бормотал свои верблюжьи ругательства. Наконец Дубровин опомнился и, пятясь, стал отступать. Затем повернулся и уже по-настоящему побежал – и вовремя: еще немного, и разъяренный верблюд просто растоптал бы его.

Верблюды на пастбище

Молодой и сильный Константин Петрович надбавил и понесся со скоростью профессионального спортсмена-спринтера, полотняная сумка с флягой воды и тяжелым справочником лекарственных трав больно била по спине. К сожалению, человек не может соревноваться в скорости с четверногим кораблем пустыни, который, несмотря на свои габариты, разгоняется подобно автомобилю.

Дубровина спасло одиноко растущее дерево, на которое он и вскарабкался в мгновение ока (не от него ли Ритка унаследовала свою сноровку в лазании по деревьям?). Обняв толстую ветку, любознательный доктор мог теперь наблюдать удивительное животное, о котором недавно читал в кни-

ге, почти вплотную.

Мозолоногий разъярился не на шутку: высоко задирал пасть, почти касаясь ног Константина Петровича, из пасти шла пена. Профессиональная наблюдательность Дубровина отметила чудесные ноздри верблюда, которые он обычно держит плотно закрытыми, открывая их только во время вдоха – выдоха и предельно уменьшая испарение организмом воды. Он прекрасно разглядел также верблюжьи чудо-ноги, способные делать пинки сразу в четырех направлениях. Было совершенно очевидно, что верблюду не терпится продемонстрировать свои способности на практике.

Дубровин вспомнил из прочитанного, что в драке верблюды обычно давят противника шеей, бьют передними и задними ногами, ну а если пускает в ход зубы – пиши пропало: он так и норовит схватить врага зубами за голову. Если учесть, что вообще-то травоядный верблюд тем не менее легко закусывает костями и шкурами других животных и даже изделиями из шкур, – дело принимало совсем нехороший оборот.

К счастью, спустя пару часов к стаду наведались пастухи. Они отогнали ревнивца и со всеми предосторожностями сняли почти недвижимого Константина Петровича с ветки: руки и ноги его затекли до крайности.

Вот такое отнюдь не романтическое приключение случилось с Дубровиным в первый же год его работы. Жене он об этом не поведал, но несколько лет спустя рассказывал дочке

Верочке в виде очень забавной истории, ну а Вера Константиновна рассказала историю о дедушке своей дочери Ритке – так она и дошла до нас.

Тревожный год

1904 год, год приезда врача Дубровина в Синьцзян, для России оказался тревожным. Началась Русско-японская война. Истоки ее лежали в территориальных амбициях японцев.

Выдающийся государственный деятель Японии, сын самурая, Окума Сигэнобу в 1890 году призывал: «Мы должны воевать с Россией из принципа обеспечения жизни будущих поколений японцев. Нам необходимо перебраться на материк. Сегодня наши землевладельцы сеют хлеб на скалах. У японцев нет земли, где мы могли бы работать. Нам необходимо бороться (с русскими) не на жизнь, а на смерть».

Японцы также давно засматривались на Китай и особенно на Маньчжурию. Они были крайне недовольны еще Пекинским договором 1860 года, согласно которому полоса Восточной Маньчжурии отошла к России. Этот договор позволил России построить Владивосток и разместить там Тихоокеанский флот.

В 1898 году Китай передал России в аренду город Порт-Артур (ныне Люйшунь) в Южной Маньчжурии, что позволяло России разместить свой флот в незамерзающем порту. Япония впала в ярость. Русские знали об этом, но до последнего надеялись, что страх перед силой России надолго удержит Японию от прямого нападения.

Военный министр России Алексей Николаевич Куропаткин уже после войны каялся: «Как военный фактор Япония попросту для нас не существовала. Наши моряки, путешественники и дипломаты полностью просмотрели пробуждение этого энергичного, независимого народа».

Он также говорил: «Война становилась неизбежной, но мы этого не осознавали и в должной мере не готовились к ней».

Еще военный министр замечал: «Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, но преследовались: в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и так и аттестовывались. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем согласиться с мнением своих начальников, выдвигались вперед...»

Известный религиозный мыслитель и поэт Владимир Соловьев (1853–1900) пророчески писал:

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орел двухглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Двадцать шестого января 1904 года японские миноносцы Соединенного флота адмирала Того Хэйхатиро внезапно атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура, вывели из строя броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада». Ох уж это наше русское «внезапно»! Отчего это самое роковое «внезапно» настигает нас так часто? Может, потому, что, уже замечая опасность, мы все надеемся на русский авось? Чешем раздумчиво бороду: авось пронесет! Ан нет – не пронесит!

Поврежденные броненосцы были самыми современными и сильными в составе русской эскадры. Двадцать седьмого января русские потеряли также крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». Эти потери оказали большое влияние на ход войны: японцы получили возможность свободно перевозить войска на материк и осадили Порт-Артур.

Если японцы хорошо знали, зачем им нужна война, и всей

душой желали войны, то простой русский народ искренне не понимал, зачем ему воевать с Японией. Усиленно муссировались слухи, что несколько высших придворных чинов заинтересованы в лесных концессиях на реке Ялу, на границе Китая и Кореи, – отсюда, дескать, и весь сыр-бор.

Накануне войны с Японией

Русский генерал Николай Алексеевич Епанчин вспоминал: «Началась война, которой в Российской империи никто не сочувствовал, которую народная масса совсем не понимала, а еще менее понимала эту войну наша армия».

Константин Петрович и Елизавета Павловна имели по поводу войны прямо противоположные точки зрения. Молоденькой супруге доктора было совершенно непонятно, как маленькая Япония осмелилась напасть на могучего соседа. Она, как и большинство русских, была полностью уверена, что эта война для России будет краткой и победоносной: «Да мы их шапками закидаем!» А Константин Петрович, хоть и доктор, но человек военный, в легкую победу над Японией не верил и цитировал жене слова начальника Главного штаба генерала Обручева, сказанные им несколько лет назад: «Для нас в высшей степени важно ни под каким видом не впутываться в войну. Необходимо иметь в виду, что нам пришлось бы воевать за десять тысяч верст с культурной страной, имеющей сорок миллионов населения и весьма развитую промышленность. Все предметы военного снаряжения Япония имеет у себя на месте, тогда как нам пришлось бы доставлять издалека каждое ружье, каждый патрон для наших войск».

От себя Дубровин добавлял, что патронами мы обеспечены только наполовину, что население России к востоку от Байкала крайне малочисленно (и миллиона не наберется), что, наконец, из опасения войны с немцами русская армия сосредоточена у западных границ, а восточные охраняются чисто символически. Ну а если учесть, что большая часть дальневосточных войск связана охраной КВЖД¹⁰, то

¹⁰ Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), построенная в 1897–1903 годах. КВЖД принадлежала Российской империи и обслуживалась ее подданными.

русские для активных военных действий могут выставить тысяч шестьдесят военных, не больше, в то время как японская армия насчитывает сто восемьдесят.

Елизавета Павловна не сдавалась:

– Мы с японцами на суше сражаться не будем, мы их на море обставим!

На эти слова Дубровин печально вздыхал:

– Проблема у нас и с военным флотом: Суэцкий канал слишком мелок для русских новейших броненосцев, а проливы Босфор и Дарданеллы турки закрыли для прохода наших кораблей из довольно мощной черноморской эскадры.

– Как же мы поплывем сражаться с японцами?

– В обход придется, Лизонька, в обход – из Балтики да вокруг всей Европы и Африки! А пока наши доплывут, чуть живые будут...

– Это сколько же им плыть придется?

– Полагаю, не меньше, чем полгода.

– Что же тут такого трудного?! Плыви себе да по сторонам смотри!

– Лизонька, ты, если не ошибаюсь, в морской вояж никогда не пускалась?

– Костя, сам ведь знаешь, что нет! Ладно, это я в запале сказала, что ничего трудного... Наверное, это очень тяжело – полгода плыть по морю...

ми. Строительство дороги было шагом по увеличению влияния Российской империи на Дальнем Востоке.

– Не то слово! Днище кораблей за такое продолжительное время плавания, да в южных широтах, страшно обрастет всевозможными водорослями, и скорость снизится узлов до девяти – против японских восемнадцати!

– Это значит, что наши будут в два раза медленнее двигаться? Но это же очень плохо – даже я это понимаю!

– Далее, Лизонька, котлы засолятся, паровые машины разболтаются и будут требовать ремонта. Плюс люди, изнуренные тропической жарой, качкой, штормами, морально устанут. А тут нате вам, свеженькие японцы да в родном море: полей минных понаделают, учения проведут, разведку выставят...

– Так ты не веришь в нашу скорую победу, Костя?

– Эх, Лизонька... Поживем – увидим. Японцы – вояки хорошие, самураи, одно слово...

– Что значит «самураи», Костя?

– Хм... В Японии говорят: «Самурай холоден, как его меч, хотя и не забывает огня, в котором этот меч был выкован».

– Красиво сказано...

– Да. Вообще, самурайский кодекс «бусидо» – это путь воина, воинская мужская философия. Самообладание, сдержанность, храбрость, преданность до смерти патрону или своему японскому императору, запрет на привязанность к деньгам, презрение к стяжательству... Воров-интендантов, таких как у нас, что закупают больных кляч по цене элитных скакунов, среди японцев не встретишь... А еще... Ты ведь

помнишь: мой старший брат в Генеральном штабе.

– Конечно, помню! И что он думает обо всем этом?

– А он, Лизонька, сильно удручен... Вот, скажем, все европейские армии давно переоделись в мундиры и гимнастерки защитного цвета. Японцы, по советам германцев, теперь носят обмундирование цвета «темный хаки». Очень скрывает и делает неприметным на местности!

– А мы?

– А мы храним «национальную традицию» – наши щеголяют в белоснежных гимнастерках и представляют собой отличные мишени! Далее. Англичане трубят, что стрельба в цель русских солдат – самая худшая во всей Европе! Не на пустом месте трубят...

– Как же это возможно?!

– А потому что наши любят повторять слова Суворова: «Пуля – дура, штык – молодец!» Так Александр Васильевич, очутись он в нашем времени, быстро бы сориентировался – он умнейший человек был! Сразу бы понял: что хорошо для армии с шомпольными ружьями сто пятьдесят лет назад, сейчас может привести только к чудовищным потерям! Пусти солдат со штыками в атаку на пулеметы – и что ты получишь в итоге?! Гору трупов?!

– Костенька, отчего же так?

– Что я могу сказать?! Есть много порядочных и честных русских офицеров. Мой брат в их числе. Но есть и мода на жуирство и бонвиванство. Пьянство, мордобой подчинен-

ных, карточные игры, подсиживание среди офицеров, безграмотность среди нижних чинов...

– Ну, не совсем же мы безграмотные...

– Лиза, у нас половина армии не умеет ни читать, ни писать, каждый второй подписывается крестиком, а в Японии – девяносто восемь процентов грамотных, в Англии и Германии – девяносто девять процентов, во Франции – девяносто пять процентов! Зато по штабистам мы впереди всех! У англичан шестьдесят девять адмиралов, у французов – пятьдесят три, у германцев – девять, а у нас – думаешь, сколько?

– Сколько?

– Сто адмиралов! Да ладно бы, пускай сто, но ведь многие из них никогда не были даже капитанами кораблей! Более трети адмиралов уже десять лет как в море не выходили – в Петербурге при дворе подвизаются! И получают адмиральское содержание! А у каждого адмирала куча помощников высших рангов – таких же, как они! Так что у нашего морского ведомства очень слабое руководство...

– Вот как...

– Еще брат пишет: японцы заимствовали у старинных мореплавателей – англичан – лучшие виды боевых кораблей, а мы – у французов скверный вид броненосца. Наши большие крейсера плохо бронированы, миноносцы уступают японским по вооружению и скорости хода, качество наших снарядов неважное, а личный состав не умеет стрелять и не справляется с современной техникой!

– Как же так?

– А вот так! Брат сравнивал: японские броненосцы все новейшие, только что построены, а у нас новых – раз-два и обчелся! Большинство наших кораблей старше самого старого японского броненосца «Фуджи», а броненосцы «Император Николай I» и «Адмирал Нахимов» такие дряхлые, что им место не в бою, а в музее!

Елизавета Павловна удрученно молчала. Дубровин, наоборот, сильно взволновался.

– Костенька, не волнуйся так! Я уж и не рада, что раздорила тебя! Может, еще все и обойдется...

– Нет, Лизонька, не обойдется!

Константин Петрович почти не ошибся в своих предсказаниях: после семи месяцев пути на другой конец света российский флот вошел в Цусимский пролив и был почти полностью потоплен в морском бою с японцами. И не только днища кораблей обросли водорослями, не только засолились котлы и разболтались паровые машины, но за семь месяцев плавания отсырели пироксилиновые снаряды и при попадании в японские корабли большей частью просто не взрывались. Японские же снаряды, начиненные шимозой, рвались прекрасно, давали огромные клубы ядовитого дыма и множество мелких осколков, а температура взрыва шимозы была столь высока, что все заливало жидким пламенем, и русские моряки горели заживо.

Затопление русского броненосца

Справедливости ради нужно отметить, что шимоза, называемая в Российской империи мелинитом, уже была опробована русскими, но крайне неудачно: во время испытательных стрельб разорвались пушки и опытная бомба, имелись человеческие жертвы, поэтому разработка нового пиротехнического наполнителя приостановилась (по окончании войны русские стали использовать в качестве наполнителя снарядов тол – он немного уступал мелиниту по мощности, но превосходил по безопасности).

Артиллерийская дуэль предрешила исход Цусимского сражения, так что можно было уже и не пенять на крайне

неумелое и неудачное маневрирование русских кораблей, отсутствие должной военной подготовки у матросов и тяжёлую контузию командующего вице-адмирала Рожественского в самом начале сражения. Шапками закидать японцев не получилось.

Разгром нашей эскадры был поистине ужасающим: погибли более пяти тысяч русских моряков против ста шестнадцати японских, более семи тысяч оказались в плену, включая двух адмиралов. Были взорваны, затоплены или взяты в плен почти все русские боевые корабли: из тридцати одного только один вернулся в Россию, а три прорвались во Владивосток.

Мирный договор Япония согласилась подписать при полной капитуляции России, в которой уже началась революция.

Врач от Бога

Закончилась Русско-японская война, отшумели революционные бури в России, а Константин Петрович Дубровин все трудился на чужбине и лечил больных.

К моменту приезда в Синьцзян он уже имел за плечами опыт военного врача. В Урумчи Дубровин продолжал расти как доктор, не гнушаясь перенимать самые лучшие умения у русской бабки-повитухи, сибирского костоправа, монгольского лекаря, знатока тибетской медицины.

Гиппократ говорил: «Врач – философ; ведь нет большой разницы между мудростью и медициной». И Дубровин проявлял мудрость не по годам.

С интересом выслушивал он советы бурятского эмчи-бакши¹¹ Санжая, с которым очень подружился. Высокий, крепкий Санжай с гладким, почти без морщин лицом и узкими умными глазами выглядел молодо, но Дубровин знал, что эмчи-бакши уже за семьдесят. Носил бурят обычно старый дэгэл¹², стянутый в талии кушаком, синюю рубаху, штаны из грубо выделанной кожи и круглую шапку с красной кисточкой наверху.

Рассудительный и немногословный, как и большинство

¹¹ Эмги-бакши (*бурят.*) – лекарь-учитель.

¹² Дэгэл – кафтан из выделанной овчины.

бурятов, Санжай проявлял явную симпатию к молодому русскому лекарю, сочувствовал его положению оторванного от Родины человека, в одиночку отправленного лечить множество чужих ему людей. Приехав в Урумчи, заходил проведать Дубровина:

– Сайн байна¹³, Костя-эмчи-ла!¹⁴

– Здравствуйте, эмчи-бакши!

– Ваша русская медицина лечит больного с вершины дерева, а наша – с корня. Таблетки даете, признаки болезни снимаете, а корень-то остается. Целитель не должен ставить заплатки на человеческом теле – нужно понять причину болезни, а не лечить ее признаки или один орган. Понимаешь, Костя-эмчи? Сердце, печень – один орган, а человеческий организм – одно целое! Все связано! Понимаешь?

Санжай учил молодого доктора определять приближение болезни по пульсу:

– Слушай внимательно: пульс здорового человека похож на кукование кукушки... Зови кого-нибудь из больных – я по пульсу ему болезнь назову!

¹³ Здравствуй (*бурят.*).

¹⁴ *Эмчи* с добавлением уважительной частицы *ла* у бурят – обращение к доктору.

Буряты в национальных костюмах

Дубровин послушно звал кого-нибудь из стационара, и бурят внимательно осматривал больного, предупреждая:

– Не нужно мне ничего рассказывать, жаловаться – эмчи-бакши сам узнаёт, чем болеешь.

И действительно Санжай оказался превосходным диагностом! Пожилому монголу он сказал:

– Здесь правая почка шалит... Желчь не в порядке... Жирное любишь? Бараний жир кушаешь?

– Какой монгол жирного не любит?!

– Нельзя тебе больше жирное есть! Я тебе настойку сделаю – будешь принимать перед едой по три капли. Только не больше! Русский доктор тебя полечит – и мою настойку пей... Костя, зови другого, буду учить тебя по пульсу болезнь находить!

Еще Санжай делился с Дубровиным опытом составления лекарств из препаратов растительного, животного и минерального происхождения прямо на месте, у кровати больного, поскольку всегда имел с собой небольшой набор необходимых и очень эффективных тибетских медикаментов.

С помощью советов бурятского лекаря и старого справочника русский доктор собирал лекарственные травы и даже сам изготавливал порошки и настойки. В полях и лугах Синьцзяна в разное время можно было найти настоящие сокровища для врача и больных: нежно-сиреневую сладкую солодку, незаменимую при борьбе с кашлем, пион молочнокветковый, корень которого Дубровин использовал для снижения температуры и остановки кровотечения. Здесь росла эфедра – самое древнее из лекарственных растений, кустарник с оранжевыми ягодками и тонкими веточками, устремленными к небу, который помогал при приступах астмы и бронхите. А также чабрец, дикий шиповник, светло-синяя и фиолетовая царь-трава – аконит китайский – очень ядовитый, требующий крайней осторожности, однако при правильном употреблении он снимал боли при невралгии и ревматизме, помогал лечить псориаз и язвы, вшивость и чесот-

ку. Да всего не перечислить!

Особое место в аптеке Дубровина занимал снежный лотос, который в Синьцзяне называли «Ка Эр Лэй Ли» – цветок лотоса в снегу. Этот прекрасный цветок растет в горах, источает тонкое благоухание и бесстрашно встречает своими нежными белыми лепестками ледяной снег и пронзительный ветер. Он может спасти жизнь при болезнях сердца, хронической дизентерии, маточном и желудочном кровотечениях, пневмонии.

Дубровин чувствовал себя в своей больничной аптеке настоящим богачом! Он оказался понятливым, способным учеником, и Санжай цокал языком, радовался, отмечая быстрые успехи подопечного. В свою очередь Константин Петрович лучше разбирался в хирургических болезнях и, как военный врач, ловко владел скальпелем. Санжай только восторженно ахал, наблюдая, как ловко русский доктор обрабатывает многочисленные раны, зашивает глубокие порезы, удаляет вросшие ногти.

Прощаясь, оба сердечно благодарили друг друга:

– Хайн даа¹⁵, эмчи-бакши, дорогой!

– Хайн даа, Костя-эмчи-ла! Баяртай!¹⁶

Санжай уезжал и пропадал надолго: старик лечил уже только по случаю и своих. А Дубровин оставался, работал с утра до ночи и лечил всех, кто обращался за помощью, – это

¹⁵ Спасибо (*бурят.*).

¹⁶ До свидания (*бурят.*).

была его работа, его долг, его путь.

Через год русского доктора знала вся округа. У него оказались крайне необходимые для врача аналитический ум, наблюдательность, сильная интуиция, добрый, сердечный, неравнодушный характер. Да, Константин Петрович был врачом от Бога...

Несколько лет Дубровин успешно боролся со свирепыми эпидемиями холеры, паратифом и сыпняком, лечил амёбную и бациллярную дизентерию, скарлатину, малярию и сифилис. Вправлял вывихи и вырезал аппендициты, принимал роды. Бужировал мочеиспускательные каналы у стариков, страдавших сужением уретры вследствие недолеченной гонореи. В общем, работы хватало.

Наконец, отслужив положенный ему срок, в 1909 году, Константин Петрович с супругой отбыли на Родину. Не успели они порадоваться родимой стороне, не успела Елизавета Павловна наговориться с родителями и милыми подружками, как был получен новый приказ: военному доктору Дубровину вернуться к месту службы в Урумчи.

Оказалось, что жители Урумчи стали просить и даже требовать снова прислать им именно врача Дубровина. Не погостив в родных краях и пары месяцев, Константин Петрович с супругой вернулись в Китай, и в том же 1909 году у них родился первенец, дочка Верочка, мама Ритки. Дубровин еще не знал, что никогда в жизни не вернется он больше на Родину.

В Урумчи открылось русское консульство, и по инициативе консула Дьякова была даже устроена православная церковь, ставшая большим утешением для Дубровиных и всех православных города.

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут»

Постепенно Дубровины познакомились с обычаями и традициями Синьцзяна, ставшего их многолетним пристанищем. Они жили в провинции, а не в русском Харбине и не в международном Шанхае. В Урумчи нравы были строже, а уйгурки даже носили хиджаб.

Дубровины научились понимать строгую иерархию, принятую в китайском обществе, никогда не прерывать собеседника, сколько бы он ни говорил, а лишь кивать головой в ответ, ведь кивок не означает согласия, а только что вы понимаете все сказанное. К знатым китайцам нельзя было обращаться просто по имени, но обязательно по имени и фамилии или прибавляя к имени «молодой» Джан, «почтенный годами» Джан, «господин» Джан, профессию, скажем, «доктор» Джан. По имени сам китаец мог назвать, пожалуй, только жену или ребенка, а обращаться так к чужим людям — дерзость.

Дубровины узнали, что показывать на кого-то пальцем у китайцев считается угрожающим жестом, а обещая или клянясь, они похлопывают себя по затылку. Узнали также, что здесь пожилому человеку считается очень почетным и приятным получить в подарок гроб.

Научились Дубровины не выказывать признаков торопливости и отдыхать часа два после обеда. Куда торопиться в Китае, который существует под знаком долголетия? Куда спешить, когда жизнь твоя принадлежит вечности?

Научились также не пытаться приобнять друг друга и даже поцеловать в щеку на людях, хотя в больших городах, например в Шанхае, где были международные концессии, англичане и французы целовались и обнимались, не обращая внимания на местные традиции. Для самих же китайцев взять девушку за руку и прилюдно посмотреть ей прямо в глаза считалось уже верхом эротики и даже сценой, не предназначенной для общественных мест.

Константин Петрович и Елизавета Павловна с интересом наблюдали за празднованием китайцами шумного Нового года: обычаи предписывали производить как можно больше шума, дабы отпугивать злых духов. Китайцы очень старались: множество шутих и фейерверков издавали оглушительный треск, сухие бамбуковые палочки баочжу, попадая в печки, к радости хозяев дома, громко трещали и искрились. А вокруг разливался аромат благовоний, разноцветные бумажные фонари освещали темное небо, огромный дракон с раскрытой пастью плыл в ночи, изгибаясь всем своим золотым телом при помощи не менее десяти танцоров-китайцев с шестами. Движения дракона сопровождалась ритмичными ударами барабанов и гонга, а от головы и тела струился золотистый свет. Привязанные к шестам тонкой невидимой про-

волокой, в воздухе парили китайчата в красных шелковых одеждах.

Бедняки праздновали Новый год день-два, богачи могли веселиться гораздо дольше.

Это было ярко, зрелищно, но душа Дубровиных принадлежала православному Рождеству с его полным надежд Сочельником и ожиданием первой звезды, вертепу из еловых ветвей с иконой Рождества Христова внутри, праздничному ночному богослужению и тихой чистоте снежного утра.

Побывали Дубровины и в китайском театре, где фоном служила ткань с изображенными на ней диковинными птичками. «Райские птицы», – задумчиво сказала Елизавета Павловна. В первый раз все было в диковинку для русского врача и его супруги: протяжная и пронзительная китайская музыка, актеры с белыми фарфоровыми лицами без морщин. Над глазами у них были нарисованы красные тени, а длинные изогнутые брови поднимались кверху.

В ходе спектакля китаец, одетый в красный кафтан и изумрудный шарф на голове, пел тонким голосом непонятную странную песню. Потом еще тоньше запела китаянка (ее тоже играл мужчина, поскольку женщины не могли играть в театре). Каждый жест имел свое значение. По сюжету главная героиня была обречена на жизнь в чужой стране, вдали от дома. Когда она прикрывала лицо платком, это означало, что она оплакивала свое горе.

Елизавета Павловна внимательно слушала чужие слова

чужой печальной песни, а потом вдруг сама заплакала. Слезы текли по ее щекам, и Константин Петрович не стал расспрашивать, отчего расстроилась супруга, а просто мягко взял ее за руку.

Дубровины застали мелко семяющих китаянок с искалеченными, неестественно маленькими ножками: девочкам из знатных семей до 1912 года бинтовали ступни, чтобы они переставали расти. Бинтовали полосами ткани, обычно в пятилетнем возрасте, подворачивая пальчики внутрь стопы до тех пор, пока четыре из них не прижимались вплотную к подошве. Святаясь к невесте, родители жениха в первую очередь интересовались не красотой ее лица, а размером «лотосовой» ступни, и матери утешали пятилетних малюток, плачущих от боли, перспективой удачно выйти замуж.

Как врач Константин Петрович был жутко возмущен сим обычаем, поскольку хорошо представлял, какой именно процесс происходил при бинтовании: появлялись окаменелые мозоли, ногти на пальчиках врастали в кожу, стопа кровоточила и истекала гноем. Девушка качалась при ходьбе, а иной раз была не в состоянии даже передвигаться без посторонней помощи, что казалось окружающим и ей самой необыкновенно женственным, в отличие от больших ступней женщин, работающих на полях, которые были не в состоянии позволить себе иметь «лотосовые» ножки.

Коллега Дубровина, доктор медицины и исследователь Китая Владимир Викторович Корсаков, работавший в нача-

ле двадцатого века в русской дипломатической миссии в Пекине, писал: «Идеал женщины-китаянки – это иметь такие маленькие ножки, чтобы не быть в состоянии твердо стоять на ногах и падать при дуновении ветерка. Неприятно и досадно видеть этих китаянок, которые с трудом переходят от дома к дому, широко расставляя ноги в сторону и балансируя руками. Башмачки на ногах всегда цветные и часто из красной материи. Ноги свои китаянки бинтуют всегда и надевают чулок на забинтованную ногу. По размеру своему ноги китаянок остаются как бы в возрасте девочки до шести – восьми лет, причем один только большой палец является развитым; вся же плюсневая часть и стопа крайне сдавлены, и на стопе видны вдавленными, совершенно плоскими как бы белыми пластинками безжизненные очертания пальчиков».

Китайские мужчины воспевали ножки-лилии и приходили в экстаз от одного вида крошечного цветного башмачка размером с козье копытце, однако предусмотрительно никогда не присутствовали при омовении таких ножек, дабы не оскорбить своего эстетического чувства: вид голый обезображенной ступни мог испугать любого.

Китайская красавица с ножками-лотосами

Доктор и его супруга были также возмущены подкидыванием к чужим порогам новорожденных девочек и даже их умерщвлением, особенно в голодные годы: так низко ценилась здесь жизнь девочки. Немало подкидышей женского пола спасли миссионеры-христиане, трудившиеся при резиденциях, консульствах и миссиях.

Познакомившись с местными обычаями и нравами, Дубровины, однако, никогда не учили и даже не собирались учить китайский или татарский, а тем паче уйгурский языки, хотя прекрасно говорили на французском и владели английским, а с годами завели повара-китайца и китайскую аму, помогавшую с детьми, – причем и ама, и повар благополучно общались с хозяевами на пиджине.

Вообще русские дворяне, воспитанные французскими, английскими и немецкими гувернантками и боннами, свободно говорили на нескольких европейских языках и легко ассимилировались в Европе. Их трудно было отличить от англичан или французов, чьи понятия и законы, нравственность и мораль были основаны на общеевропейских христианских ценностях. С китайцами же дело обстояло совершенно иначе: в Китае никто из русских китайцами не становился – ассимиляции не происходило. Слишком разными они были.

Китайцы нерелигиозны – они мистичны и по настоящему верят только в одно – духов предков: именно духи предков

могут защитить в случае необходимости. Еще здесь верят в приметы, в магию чисел, в сочетание цветов.

Дубровины узнали, почему в Китае не любят цифру «четыре»: слова «смерть» и «четыре» звучат одинаково – «сы». Зато здесь любят цифры «восемь» – «процветание» и «девять» – «долгий», «вечный». Узнали они, какие подарки принято дарить в Китае, как заворачивать их в бумагу красного цвета – цвета радости и праздника, и избегать зеленого, приносящего в дом измену и разлад, и белого – цвета траура.

Если русский, англичанин, француз или любой другой европеец оценивает свои поступки с точки зрения заповедей Христовых, то китаец ведет себя с оглядкой на родных и земляков. Дубровин с удивлением узнал, что в китайском языке долгое время не существовало даже слова «личность». Ведь главное – не твоя индивидуальность, а твой род, клан, землячество.

Правильным в Китае считается то, что традиционно, что согласуется с общепринятыми нормами и обычаями. Конфуций говорил: «Я не создаю новое, но лишь повторяю изученное». Современный социолог сказал бы, что сознание европейцев индивидуально-ориентированно, а китайцев – группно-ориентированно, но Константин Петрович в такие тонкости не вникал, а просто вздыхал подобно Редьярду Киплингу: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут».

Уличные акробаты

Сколько бы ни жили Дубровины в Синьцзяне, сколько бы ни узнавали они о местных обычаях и традициях, сколько бы риса ни съедали – они все равно оставались чужаками – янжэнь, хоть и добрыми, полезными, уважаемыми.

Постепенно семья Дубровиных росла. Родились еще трое детей, и все роды Константин Петрович, единственный врач в округе, не считая знахарок, принимал сам. Выжили, к сожалению, только первенец Верочка и погодок дочери, сын Сережа, и это при том, что Константин Петрович был очень хорошим доктором. Скарлатина и дифтерит уносили в те годы человеческие жизни неумолимо.

Так романтическое приключение превратилось в жизнь на чужбине.

В 1938 году Александр Вертинский, тоже оказавшись в Китае, напишет об этих краях печальные строки:

Над Желтой рекою незрячее белое небо,
Дрожат паруса, точно крылья расстрелянных птиц.
И коршун летит и, наверное, думает: «Где бы
Укрыться от этого зноя, от этой тоски без границ?»

Забегая вперед, скажем, что здесь Константин Петрович и косточки свои сложит, да так, что и могилки от него не останется. Эх, знал бы, где упасть... Китайцы по этому поводу говорят: «Опыт – это расческа, которую мы получаем после того, как облысели». Жалел ли он о выборе? Вряд ли.

Дубровин был человеком долга.

Но Родины моей здесь нет

Годы летели, и в России чего только ни случилось: русские воевали на фронтах Первой мировой войны, проводили стачки и демонстрации, разгоняли Думу и устраивали революцию, а за ней братоубийственную Гражданскую войну.

Писатель Яков Львович Лович (Дейч), прапорщик Российской императорской армии, герой Первой мировой войны, воин армии адмирала Колчака, писал об этом времени: «К буйному, забрызганному, как палач, кровью, пьяному, жестокому, дикому 1918 году вернись из наших дней, читатель. К тем далеким дням, когда, словно сойдя с ума, заматались по шестой части земной суши миллионы русских людей, кроша, рубя, расстреливая, грабя, насилая друг друга; когда подвиг был рядом с изменой, величие души – с ее падением, святость – с подлостью, нежность – с садизмом; когда все перевернулось, закрутилось в кровавом смерче; когда жизнь ничего не стоила, когда топтали ее мимоходом, не глядя, равнодушно, словно не жизнь это была человеческая, а гусеница, ползущая через дорогу».

Миллионы русских людей теряли родной дом, бежали на чужбину. Один из таких людей, Николай Туроверов (1899–1972), донской казак, офицер Белой армии, участник Первой мировой, Гражданской, Второй мировой войн, писал об этом пронзительные строки:

Я знаю, не будет иначе.
Всему свой черед и пора.
Не вскрикнет никто, не заплачет,
Когда постучусь у двора.
Чужая на выгоне хата,
Бурьян на упавшем плетне,
Да отблеск степного заката,
Застывший в убогом окне.
И скажет негромко и сухо,
Что здесь мне нельзя ночевать,
В лохмотьях босая старуха,
Меня не узнавшая мать.

А в Китае в эти годы дни текли размеренно, будто на другой планете, и Константин Петрович работал не за страх, а за совесть и спас жизни уже не одной сотне людей.

Дубровины мирно растили детей. По вечерам Елизавета Павловна по-прежнему шила и вязала, а Константин Петрович, как раньше юной супруге, теперь читал всей семье, сначала сказки Пушкина, «Дневник Мурзилки» и «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции», затем «Путешествия и удивительные приключения Робинзона Крузо» Даниэля Дефо в переводе русского педагога и беллетриста Ивана Белова. Позднее читали уже сами Верочка и Сережа по очереди: «Братьев Карамазовых», «Остроумно-изобретательного идальго Дон-Кихота Ламанчского» – до революции

Дубровин вместе с медицинскими справочниками выписывал из России множество художественных книг.

Сережа читал вслух «Советы молодого офицера» ротмистра Валентина Михайловича Кульчицкого, участника Русско-японской и Первой мировой войн, награжденного четырьмя Георгиевскими крестами. Эти мудрые советы вся семья слушала с удовольствием:

– Веруй в Бога, будь преданным Государю Императору, его семье и люби Родину.

– Будь учтивым и предупредительным, но не назойливым и льстивым. Умей вовремя уйти, чтобы не быть лишним.

– Необходимо помнить ту границу, где кончается полная достоинства вежливость и начинается низкопоклонство.

– Не спеши сходитья на короткую ногу с человеком, которого недостаточно узнал.

– Избегай историй и скандалов. Человек, наживший врагов, как бы он ни был умен, добр, честен и правдив, гибнет почти неизбежно, так как наши враги в обществе бывают всегда деятельны; друзья же всегда пассивны: они только сочувствуют, сожалеют, вздыхают, но не борются за погибающего, боясь за свою собственную участь.

– Если о ком-нибудь не можешь сказать ничего хорошего, то воздержись говорить и плохое, если и знаешь. Злословие вредит сразу трем: тому, о ком говорят дурно; тому, кому говорят дурно; а более всего тому, кто злословит. Рана, нанесенная огнестрельным оружием, может быть излечима, но

рана, нанесенная языком, никогда не заживет.

– Самые сильные заблуждения – это те, которые не имеют сомнения.

По утрам и перед сном читали молитвенное правило и по кафизме из Псалтири. Мирно текла жизнь Дубровиных в Синьцзяне.

Но вот последствия краха российской государственности докатились и до здешних мест: в двадцатые, а позднее и в тридцатые годы эти края стали пристанищем для беженцев из России: белых офицеров, тысяч и тысяч казаков, зажиточных крестьян. Переход границы принял массовый характер.

Зажиточные крестьяне России. Мартьян Сазонов с супругой Елизаветой Алексеевной и жителями села Асташово. 1908 год

Крестьяне переходили границу ночью, второпях, чаще всего предупрежденные сердобольными соседями о предстоящем раскулачивании и аресте. Бежали своим ходом, иногда на бричке, запряженной лошадкой, везли с собой инструменты, швейные машинки, одежду, харчи на первое время – все, что удавалось вывезти из крепкого хозяйства. Вспоминая Родину, пели частушки:

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
«Людям хлеба не давать,
мяса не показывать!»

В первый же год после приезда большого количества русских выдалась очень холодная зима. Местные качали головами, приговаривая:

– Раньше и морозов таких не было, и снег редко выпадал... Это русские привезли мороз... Там, где русские, – всегда мороз и снег!

Случись это похолодание в наше время, народ назвал бы его «аномальным», а в те годы холод легко списывали на появление русских. И никто не знал, так ли это на самом деле...

В эти годы в Сынцзян переехала вдохновленная примером Елизаветы Павловны Дубровиной ее двоюродная сестра, Любовь Родионова, с мужем Михаилом и тремя детьми. Они бежали от красных и сумели вывезти с собой значительные ценности, что помогло им неплохо устроиться в Урумчи. Михаил занялся торговлей, и это у него очень хорошо получалось.

Среди русских было много мастеров по дереву и металлу. В Кульдже построили электростанцию, маслобойный и мукомольный заводы – это в Кульдже-то, где ранее шиком считались керосиновая лампа и каганец¹⁷. Беженцы устраи-

¹⁷ Каганец – керамическая плошка с растительным маслом и ватным фитильком.

вались плотниками, шоферами, столярами, малярами, портными. Охотились на гусей, уток, кабанов, диких коз. Возили лес, собирали дикие фрукты и ягоды, варили варенье, пастилу, делали соки и компоты – выживали как придется. Вся их продукция охотно раскупалась местными. Русские начали также заниматься пчеловодством, и мед на рынке очень быстро стал в три раза дешевле сахара, так что хозяйки предпочитали варить варенье на меду.

Офицеры Белой армии

Еще российские крестьяне занялись в Синьцзяне хозяй-

ством, неутомимо возделывали поля и огороды, выращивали особого сорта пшеницу, которая прекрасно росла на засушливых склонах предгорий. Из этой пшеницы получался необыкновенно вкусный и пышный хлеб.

Беженцы были просто поражены богатой природой края и плодородием местной каштановой почвы: палку сухую воткнешь – глядь, она через месяц цветет, да и без всяких удобрений. Единственное, чем удобряли китайцы в те годы свои огороды, было содержимое их ночных горшков, но вот этот их обычай русским не привился.

Зато понравилась свобода: хочешь – строй себе дом, хочешь – строй у речки мельницу, сей хлеб, разводи огород – ни законов, ни налогов, где посеял – там твое. Можно жить без паспорта, без адреса: на построенных русскими домах в те годы не значилось ни номера, ни названия улицы...

Свобода была, а вот Родины не было... Да и землю могли отобрать: крупными наделами земли в Синыцзяне, еще со времен Чингисхана, владели только монгольские князья.

Казачки пели пронзительно-грустную, протяжную песню, от которой слезы наворачивались на глаза не только у Елизаветы Павловны, но и у самого Константина Петровича:

Проснется день красы моёй,
Украшен, а он Богом свет.
Я вижу море, море, ай, и небеса,
Но Родины моей здесь нет.
Ай, но Родины моей здесь нет,

Отцовский дом спокинул я,
Травую стежка зарастет,
Собачка, вернай Шарик мой,
Залает, а он у ворот.

Собачка, верный, верный, а он мой зверок,
Залает у моих ворот.
Заноеет сердце, сердце, оно загрустит.
Не быть мне в той, в той стране родной.
Не быть мне в той стране родной,
В которой был я зарожден,
А быть мне в той, той стране чужой,
В которой мальчик был сужден...

Тайна Табынской иконы Пресвятой Богородицы

Утешением потерявшим Родину стала чудотворная икона Табынской Божией Матери – самая загадочная икона России. В народе ее называли явленной, так как она неоднократно являлась на избранном Пресвятой Богородицей месте, и появление ее сопровождалось многочисленными знаменами, чудесными исцелениями, избавлениями от засухи, мора и холеры.

Табынская икона Пресвятой Богородицы

Первый раз икона явилась в шестнадцатом веке, второй – в середине восемнадцатого, когда ее нашли стоящей на камне башкирские пастухи. Они стали рубить икону, но тут же ослепли. Самый молодой из них покаялся, начал молиться и прозрел, по его молитвам прозрели остальные – и уверовали.

Молодой пастух с тех пор всегда следовал за чудесной иконой Пресвятой Владычицы – зимой и летом в одном подрыснике и скуфье, босой даже в лютые морозы. Согласно преданию, он прожил сто тридцать лет как подвижник и отошел ко Господу в крестном ходу под Челябинском рядом со святой иконой.

Атаман Оренбургского казачьего войска Александр Ильич Дутов, первый из войсковых атаманов объявивший войну большевикам, привез в Синыцзян точный список иконы, а сама чудотворная икона, сопровождаемая Оренбургским архиепископом Мефодием, с белыми частями ушла на Дальний Восток, затем в Харбин, в Казанско-Богородицкий мужской монастырь.

Атаман Александр Дутов

Даже китайцы стали молиться перед иконой Табынской Божией Матери, приговаривая: «Табынь поставишь свечку – все будет хорошо, не поставишь – плохо».

Далее следы иконы теряются. Согласно одним свидетельствам, в 1948 году икону вывез в Австралию, а затем в Америку архимандрит Филарет (Вознесенский). По другим сведениям, икона осталась в Китае. Где же сейчас чудотворная икона? Многие искали ее. Достоверно известно одно: такие иконы, как Табынская, сами выбирают свой путь – невозможно решить судьбу чудесного образа без соизволения Самой Владычицы Небесной.

Возможно, придет время, и явится чудотворная икона в очередной раз – будем уповать на волю Царицы Небесной...

Возвращение на Родину стало невозможным

В 1921 году власти Сынцзяна договорились с Советами о вводе Красной армии для совместной ликвидации белых. Красные изрядно потрепали белую эмиграцию. Завербованные чекистами уйгуры убили Дутова и многих других лидеров белого движения. Но белые все еще оставались здесь силой.

В 1924 году Китай официально признал Советскую Россию, и китайцы потребовали у русского консула освободить консульство и православный храм при нем.

Прежний консул больше не нужен был Советам, как и военный доктор дворянин Дубровин. Официальная работа Дубровина при русской миссии, а позже консульстве подошла к концу, и теперь можно было возвращаться на Родину – в милую сердцу Россию, но возвращаться было нельзя: смертельная опасность подстерегала в родных краях всех лиц дворянского происхождения.

Семья русского доктора за эти годы переехала из маленького домика при консульстве в просторный дом с садом, где резвились на природе Верочка и Сережа. Сам Константин Петрович вылечил к этому времени огромное количество больных и многих спас от смерти. Он пользовался большим

авторитетом среди жителей Синьцзяна и использовал свой авторитет для помощи беженцам из России.

В 1926 году семнадцатилетняя Верочка, умница и красавица, вышла замуж за полковника Полтавского, много старше ее возрастом, но мужественного подтянутого белого офицера. У них родилась дочка Калерия.

Елизавета Павловна смотрела на малышку и ясно видела: эта же ее дочка Верочка смешно перебирает неуклюжими ножками, а она сама – юная, сильная, стремительная, заразительно смеется и легко подхватывает дитя на руки. Елизавета Павловна недоумевала: так вот что такое жизнь?! Тебе двадцать – ты моргнул – и тебе уже под пятьдесят!

Увы, семейное счастье Веры Константиновны продолжалось недолго: Полтавский мастерски выдавал себя не за того, кем был на самом деле. Наблюдательная и смекалистая девушка быстро заметила, что ее муж тайно связан с чекистами. Как-то ночью она на цыпочках прокралась в его кабинет и в лежащих на столе документах нашла подтверждение своим страшным догадкам: он печатал для ОГПУ списки белых лидеров.

Это так потрясло Веру Константиновну, что она подала на развод и довольно долго его ждала. По китайским законам Калерию оставили с отцом, что стало страшным ударом для всех Дубровиных.

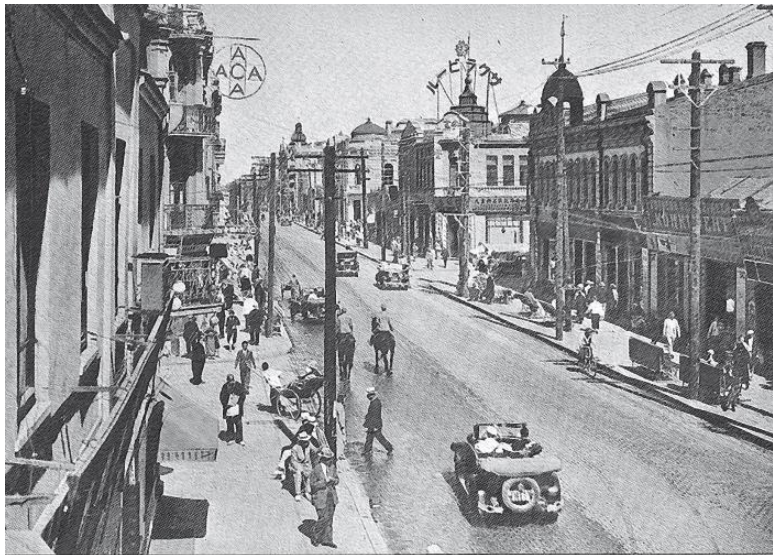
Время затягивало раны. В 1931 году в Урумчи приехал молодой русский офицер Григорий Михайлович Иванов.

Григорий стал вхож в семью Дубровиных, глава которой постоянно помогал русским беженцам. Вера Константиновна влюбилась в голубоглазого белокурого Григория и вышла замуж второй раз. Ей исполнилось всего двадцать два года.

Руссейший облик Харбина

Григорий Михайлович провел свое детство и юность в Харбине. Его мама, Анна Евдокимовна, окончила фельдшерско-акушерские курсы и работала в харбинской больнице акушеркой, а папа, Михаил Потапович, служил на КВЖД.

Григорий часто рассказывал молодой жене о своем родном городе, и Верочка полюбила Харбин заочно. Она родилась в Синьцзяне, но росла на сказках Пушкина, романах Достоевского и всегда знала, что Родина ее семьи – Россия. А Григорий рассказывал о Харбине как об удивительном мире, хранящем былую Россию, какой была она до революции, какой знали ее родители Верочки. Действительно, уникальный Харбин сохранял островок прежней дореволюционной России с ее обычаями и традициями, православной верой и идеалом служения Отчизне.

Харбин – русский город в Китае

Архиепископ Венский и Австрийский Нафанаил (Львов), выпускник Харбинского реального училища, в юности – рабочий на КВЖД, позднее келейник знаменитого архиепископа Нестора (Анисимова), настоятель церкви и законоучитель в детском приюте при Доме милосердия в Харбине, сказал: «Милостью Божией Харбин на четверть века продолжил нормальную дореволюционную русскую жизнь».

Поэт Михаил Шмейссер¹⁸ писал в те годы о Харбине:

¹⁸ Михаил Шмейссер (1909–1986) – харбинский поэт и писатель, сын офицера, погибшего в Первой мировой войне. В 1945 году Михаил Шмейссер был аресто-

Грустим по Северной Пальмире,
Но грусть о ней не так сильна,
Когда с изгнанием горьким мирит
Руссейший облик Харбина.

Верочка слушала рассказ мужа и поначалу недоумевала:
– Как же могли построить русский город в Китае?

И Григорий рассказывал о том, что знал с детства. Как подписали Россия и Китай в конце девятнадцатого века договор о строительстве Китайско-Восточной железной дороги, как постепенно стала КВЖД крупнейшим русским предприятием в Маньчжурии, и десятки тысяч русских приехали сюда на работу. Рассказывал, как на месте пересечения железной дорогой реки Сунхуацзян русские возвели мост и стали называть реку Сунгари. Маленькой китайской деревушке Хаобин у моста суждено было стать Харбином – городом русских железнодорожников. Согласно договору, Россия не могла вводить в Маньчжурию регулярные войска, и безопасность обеспечивала охранная стража КВЖД: пять конных сотен, две из которых были кубанские казаки.

В новый город потянулись русские купцы, предприниматели, крестьяне и прочие сословия. Первоначально состоящий из палаток и наспех сколоченных бараков, Харбин быстро рос. После крушения Белого движения здесь нашли прибежище белые офицеры и казаки со своими семьями, после

ван, отправлен в СССР, приговорен к десяти годам заключения в лагерях.

начала коллективизации сюда бежали русские крестьяне. В 1924 году здесь жили сто тысяч русских. Управлял Харбином русский муниципалитет, который не зависел от китайских властей. В городе выходила белоэмигрантская пресса – других газет здесь не было.

Управляющий КВЖД, генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват, любимец харбинцев, после революции один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке и соратник Колчака, стоял во главе управления огромной территорией полосы отчуждения железной дороги с 1903 по 1920 год. В годы его управления КВЖД Харбин процветал и часто в шутку назывался по имени генерала «счастливой благословенной Хорватией». В 1920 году Хорват с семьей уехал в Пекин и, благодаря своему огромному авторитету, сделал еще много доброго для гонимых соотечественников.

Верочка задумчиво спрашивала:

– А чем занимаются люди в Харбине, кроме обслуживания железной дороги?

Григорий с воодушевлением перечислял:

– Да у нас там видимо-невидимо всяких предприятий и цехов! Загибай пальчики: котельный цех, механический, кузнечно-литейный, вагонно-пассажирский, вагонно-товарный, электрическая станция, лесопильный завод, угольные шахты! Телеграф, автоматическая телефонная сеть, мощная типография, метеорологическая станция!

– Гришенька, я уже со счета сбилась!

– Магазины и пункты торговли мехом, шесть высших учебных заведений и около двадцати православных храмов. Вот что такое Харбин! А, чуть не забыл: у нас там есть два цирка: Боровского, с дрессированными лошадками, и циркового товарищества Дорес. Есть свой синематограф – самый первый, «Иллюзион» Финкельштейна, работает с 1906 года.

– Что это такое, Гришенька?

– Это такие движущиеся фотографии, живые фотографии. Ты сидишь, смотришь – и прямо на тебя едет поезд или идут люди... Я смотрел «Путешествие на Луну» Жоржа Мельеса. Просто поразительно... А еще у нас там свой симфонический оркестр, опера, оперетта, драматический театр! И балет, Верочка! Балет, которым руководят артисты Императорского московского балета, воспитанники Мариинского театра! Ты когда-нибудь была в цирке? Балет видела?

Вера Константиновна печально опускала голову: о таких чудесах она только слышала от родителей.

– Не печалься, солнышко мое! У нас с тобой все впереди! Мы с тобой поедem в Харбин, и я поведу тебя на балет, и в театр, и в синематограф мы тоже с тобой пойдem. И там нет никакой революции, никаких красных... А еще мы с тобой проедem по всем станциям нашей железной дороги, посмотрим каждую, пройдем по железнодорожным буфетам и попробуем все самое вкусное!

– Почему по буфетам? И что там дают?

– О, Верочка, буфеты КВЖД пользуются большой славой!

В пассажирских поездах до последнего времени не было вагонов-ресторанов, и наши любители вкусно поесть отлично знали, где что продают! Мы с папой ездили на осмотр станций и ходили во все эти буфеты. Знали, что в буфете станции Дуйциньшань можно попробовать вкусные блинчатые пирожки, на станции Аньда – свежайшие молочные продукты, на Цицикар – сахарные арбузы, на Чжаланьтунь – удивительные борщи... На Яомынь папа покупал птичьи потроха, тут их покупали мешками, а также кур, гусей, уток... Южная линия снабжала фруктами, Восточная – ягодами и отличным пивом.

– Дорогой, не перекусить ли нам? Что-то аппетит разыгрался...

– Я не прочь... А какой вкусный хлеб пекли в наших харбинских пекарнях, Верочка! Помню, мама отправляла меня за круглым ситным хлебом и московским калачом, я шел и издали начинал принимать запах: чудесный запах разносился за несколько кварталов! Зайдешь – и глаза разбегаются: ржаной круглый с поджаренной корочкой, сайки французские с хрустящей корочкой, витушки сладкие, жулики, бублики, сушки, баранки...

– Все, Гришенька, хватит, я уже сильно есть захотела! Все это мы попробуем, когда приедем в твой город, а пока – давай есть лапшу.

И вот молодые ели китайскую лапшу и тофу и мечтали, как уедут они в русский город на китайской земле. По вече-

рам, перед сном, любимым Верочкиным развлечением стали рассказы мужа о Харбине.

Харбин. Центральная часть города

– На Рождество у нас в Железнодорожном собрании всегда устраивали маскарады, и все веселились от души, маски карнавальные мастерили... Само здание собрания просто завораживает своей красотой, словно попадаешь в сказку! Лепные потолки, залы нарядные – и море, море света... А какие там балы бывали!

– Гришенька, а еще?

– На санях катались... Вот приедем в Харбин и, если дело

будет зимой, обязательно пойдем с тобой кататься по Сунгари на санях.

– По реке?! На лошадках?

– Нет, санями правят саночники-китайцы – они так, знаешь, отталкиваются ото льда длинным багром, острым на конце. Сани называются «толкай-толкай» и бывают деревянными, обитыми коврами, с металлическими полозьями и скамейкой. Садись на скамейку, саночник укрывает тебя меховой полостью, а сам становится на запятки саней – и вперед! Мчишься по ледяной Сунгари – плавно, легко! И тебе так тепло в мехах! А вокруг, Верочка, вокруг – на солнце ослепительно сверкает белый снег, и свежий морозный ветер дует в лицо! Я помню это так, словно это было вчера...

И Григорий, задумавшись на мгновение, с молодым задором декламировал Верочке стихи¹⁹:

Синь льда, блеск солнца, свежесть снега,
Кует морозный воздух сталь.
От санок радостного бега
В душе крутится чувств спираль...
Вот почему в морозный воздух,
Когда блестит во льду река,
Лететь звездой, мечтать о звездах

¹⁹ Автор Василий Логинов (1891–1945) – харбинский поэт и писатель. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, в последние месяцы жизни работал сторожем на складе, его неоднократно вызывали на допросы советские чекисты. Умер в харбинской больнице.

Так славно на «толкай-толкай»!

Верочка слушала с удовольствием, потом спохватывалась, хмурила бровки:

– А лед толстый? Это безопасно?

– Ну, вообще, когда катишься на санях, бывает немножко страшно... Кажется, еще мгновение, и санки провалятся под лед. Это потому, что лед на Сунгари зимой очень чистый и прозрачный: под ним видно даже движение воды. А на самом-то деле он достаточно толстый, больше метра толщиной: морозы в Харбине ого-го: зимой до тридцати-сорока градусов.

– А летом в Сунгари купаются?

– Да, с превеликим удовольствием! Даже мажутся целебным сунгарийским илом – он лечит болезни. Но плавают осторожно: река коварная, со стремительным течением, множеством водоворотов и глубоких ям. В последние годы на берегу на высоких мачтах вывешивались деревянные круги – предупредительные шары: в непогоду – черные, при шторме – красные. Красные означают, что переправа категорически запрещена. Правда, летом вода в реке очень мутная: много лёссовых частиц. Желтая река. Если человек тонет, эти частицы мгновенно забивают трахею и легкие, тогда тонущего редко удается спасти.

– Гришенька, лёсс – это ведь желтая глина?

– Можно и так сказать... Лёсс – это известковый сугли-

нок: смесь глины, песка и извести. По-китайски называется «хуанту» – желтая земля, желтозем. Он, с одной стороны, мягкий, его можно давить пальцами, с другой – вязкий и хорошо держится даже в двадцатиметровых обрывах. Еще он пористый, хорошо фильтрует воду и очень плодородный.

– Значит, он полезный?

– Да, Верочка. Лёсс смешивают с водой и лепят ограды полей, стены зданий, делают кирпичи и даже горшки, черепицу. Роят в лёссе подземные жилища.

– Поэтому желтый цвет любимый у китайцев?

– Может быть... Знаешь, я помню, как весной ветер всегда нес желтый горячий песок из пустыни Гоби, который покрывал все вокруг золотистым покрывалом, так что мама каждый день вытирала желтоватую пыль с мебели и рояля.

– Гришенька, а как прошло твое детство?

– Хм... Мое детство было таким русским, что я даже не задумывался о том, что мы живем не в России, а в Китае. Вокруг были русские. Правда, по улицам ходили китайские ремесленники – но даже они кричали по-русски: «Сапоги починяй», «Паяй», «Стары вещи покупай».

Маленьким я ходил в детский маяк Соколовых, что на Полицейской улице, маяками назывались у нас детсады. Мой был замечательным: в 1913 году нашей заведующей Екатерине Николаевне Соколовой на Хабаровской юбилейной выставке присудили золотую медаль. Потом я учился в Харбинском коммерческом училище. Часто летом ездил к бабке и

деду по матери в Баргу.

– В Баргу? А что это?

– Это, Верочка, настоящее чудо! Когда мне тяжело на сердце – я закрываю глаза и отправляюсь в Баргу...

Барга

Григорий рассказывал, и перед глазами у Верочки как живая вставала бескрайняя Барга, что лежит в северо-западной части Маньчжурии. Огромный горный хребет Хинган, покрытый дремучими лесами, отделяет эти места от остальной части края.

Барга – бескрайняя степь. Только она не такая ровная, как русская степь, китайская отличается множеством пологих сопок, покрытых цветочным ковром, и горок разной высоты и формы, а также падей, перевалов и речных долин, соленых и пресных озер. Среди них Большое Священное озеро Далайнор, огромное, очень древнее, полное самой разнообразной рыбы.

По берегам рек и озер растут заросли тальника, сладкая дикая малина, нежная жимолость, сочная красная смородина. Ранней весной в степи расцветают оранжевые лилии-саранки, синие колокольчики, разноцветные тюльпаны и огромные кусты диких пурпурных и белых пионов, серебрятся шары перекаати-поля.

Течет здесь главная река этих мест – Хайлар, которая впадает в великую Аргунь, разделяющую с семнадцатого века две страны: по правому берегу Аргуни – Китай, по левому – Россия. Три притока Аргуни дали название своему бассейну, одному из районов огромной Барги, кличут который Трехре-

чье. Забайкальские казаки, селившиеся в здешних приграничных местах, говорили об этих землях: «Посади оглоблю – телега вырастет».

Маленький Гриша ехал с родителями по железной дороге до небольшого разъезда, потом по проселочной дороге до казачьей станицы, а там – по лесной дорожке на заимку к деду и бабке. Добравшись до заимки, горожане чувствовали себя в сказочной стране. Дед много лет работал на лесных концессиях, потом держал пасеку, охотился. У него жили пять умнейших собак лаек, или, как их называли в те годы, остроушек, – отличных охранников и азартных охотников и на мелкую дичь, и на крупного зверя.

С этими собаками можно было чувствовать себя в относительной безопасности даже на отдаленной заимке: они отпугивали дикое зверье и охраняли дом. Самым умным был белый, с кремовым оттенком, вожак Буран, – он понимал деда без слов, просчитывал ситуацию на несколько шагов вперед, предугадывал желания человека. В лесу дед часто посматривал на любимого пса, словно спрашивал совета, – Буран знал об этом и всеми своими собачьими силами помогал хозяину. Он разве только не разговаривал по-человечески, а так понимал все, необыкновенно умная собака, такие, может, раз в сто лет рождаются.

Как-то Буран даже спас Гришу от щитомордника – бурой с темно-коричневыми пятнами здоровенной змеи, оттащив беспечного ребенка за одежду от опасного места. Для взрос-

лых щитомордник умеренно опасен – обычно от его крайне болезненного укуса оправляются через неделю. Но для ребенка этот укус может стать смертельным, и верный пес бдительно присматривал за непоседливым внуком любимого хозяина.

У деда были собаки, а у бабушки – Рыжий: старый, но еще сильный кот с бесстрашным характером. Он был уже взрослым, когда на заимке появился неуклюжий белый щенок, и Рыжий не обижал Бурана, оказывал ему покровительство. Они стали друзьями, и теперь Рыжий, благодаря любви вожака, пользовался неограниченной свободой среди всей стаи. Он мог спокойно разгуливать среди собак, мог прилечь, грея косточки, прямо под белое брюхо старого друга – все это сходило ему с рук, точнее, с лап.

Вокруг заимки все тоже было чудесным: вековые лиственницы и высоченные березы, что росли на склонах Хингана. В таинственных дебрях пряталось множество зверей и птиц. Дед, высокий, худой, с густыми седыми бровями, нависающими над пронизательными голубыми глазами, слыл отличным охотником и рыболовом.

Охотники в тайге

Гриша любил гулять с дедом по тайге, особенно в конце лета, когда лес становился тихим и солнечным, когда слабо качались легкие паутинки на подлеске, а среди темной хвои сосен и кедров мелькали яркие пятна деревьев, уже примерявших осенний наряд: желтый у берез и лиственниц, красный у осин.

Прозрачный, удивительно сладкий воздух дышал пряным ароматом увядающих трав и прелой листвы, а вокруг царила звенящая тишина дикой тайги, когда громом гремит выстрел далекого охотника и за много километров слышен гудок па-

ровоза на железной дороге. А какая вкусная вода в лесном ручье, как тихо звенит над ухом комар и гулко падает в воду камушек, сбитый ногой! Тайга – первая любовь и долгая, таинственная память всех, кому судил Господь побывать в твоих дебрях в детстве и юности!

Об этой замечательной тайге лучше всех писала жившая здесь в те годы Виктория Янковская²⁰:

Весенними влажными днями
Одна я блуждаю с винтовкой.
Пересекаю часами
Овраги, долины, сопки.
По-разному смотрят на счастье.
По-разному ищут дороги.
А мне – побродить по чаще,
В росе промочить ноги.
И сердцем дрожать, как собака,
На выводок глядя фазаний,
А ночью следить из мрака,

²⁰ Виктория Янковская – поэт, прозаик. Родилась в 1909 году в семье зажиточного предпринимателя Юрия Янковского и дочери основателя первого в Приморье пароходства Маргариты Шевелевой. Десять лет Виктория прожила в маньчжурской тайге и писала о ней стихи. В 1945 году чекисты арестовали почти всю ее семью. Отец и два брата Виктории были отправлены в лагеря в СССР, где отец впоследствии и скончался. Виктории удалось бежать в Гонконг, откуда она уехала в Чили, затем в США. В 1991 году, спустя 70 лет после эмиграции, поэтесса побывала во Владивостоке, где присутствовала на открытии памятника своему деду. Умерла в 1996 году на чужбине, в далекой Калифорнии.

Как угли пылают в кане²¹.
Такие простые явления,
А жизни без них мне не нужно.
И здесь, в горах, в отдаленье,
Мне кажется мир – дружным.

Дикие обитатели этих мест почти не знали охотников и доверчиво следили за двумя фигурами: высокой, с ружьем и вещевым мешком за плечами, и маленькой, с котелком в руках. Рябчики посвистывали беспечно на ветках, смотрели с любопытством, тетерки спокойно клевали бруснику на прогалине, почти не обращая внимания на деда и внука. Паря косуль прошла бесстрашно мимо, пошевеливая большими ушами. Дед сделал Грише знак рукой: «Тихо!» И мальчик затаив дыхание любовался бархатными глазами мирных животных.

Дождливым вечером трещали дрова в печи, маленький, слабый огонек теплой человеческой избы одиноко мерцал среди холодных и темных таежных просторов, бабушка замешивала тесто на пироги, дед рассказывал мальчишке о диком мире Барги, и маленький Гриша внимательно слушал его.

Вот прячется от мошкары под пологом листьев и веток, в самой гуще зелени, кабан – любитель желудей и кедровых орешков, ценный промысловый зверь. Особенно высоко це-

²¹ Кан – печь в крестьянских домах северного Китая, отапливаемая лежанка.

няют его мясо китайцы. По долинам далеко разносится поросячий визг и хрюканье кабанов, привлекая других любителей кабаньего мяса – маньчжурских тигров.

Необыкновенно крупные, они не прочь полакомиться диким кабанчиком, но в голодные времена не брезгают охотиться даже за птицами, ловят рыбу во время нереста. Среди маньчжурских тигров, в отличие от индийских, практически не встречаются людоеды, и китайцы верят, что при встрече нужно просто пятиться назад, приговаривая: «Я тебя не трону, а ты меня не трогай». Они зовут тигра «Ван» – господин, почитая его как хозяина гор и лесов. Правда, для человека бывает опасна тигрица с котятами. Врагов у взрослых тигров в Барге вообще нет: никто не осмелится напасть на Вана – охотника-профессионала.

Охота на медведя

В тайге водятся также хищные пестрые лесные кошки, любимое место обитания которых – скалы и каменистые россыпи. А вот кровожадные рыси – великие мастерицы выслеживать косуль. Вот харза²², ловкая, быстрая охотница за кабаргой²³, косулей и даже детенышем оленя. Если харзы много, соболя в тайге не будет, сожрет, как пить дать сожрет.

– Дедушка, как же она так – детеныша оленя ест? Нехорошо это!

– Она, детка, не разбирает: хорошо, нехорошо... Зверь и есть зверь... Недавно видел: журавли по болоту гуляют – ах, красавцы! И с ними журавленок – единственный птенец. Бегаёт уже быстро, быстрее человека, но еще не летает. Так харза окаянная убила маленького! Так мне жаль было его и родителей – как же они плакали... Птицы глупые, а горевали как люди... Сердце рвалось... «Курлы, курлы!» Журавль по-монгольски курлык зовется...

– Деда, а ты не выстрелил в эту злую харзу?

²² Харза – яркая, пестрая большая куница.

²³ Кабарга – небольшое парнокопытное оленевидное животное, великолепный прыгун, по маневренности почти не имеющий себе равных. Способна на скаку, не сбавляя скорости, изменять направление хода на 90°. Спасаясь от преследователя, кабарга, подобно зайцу, запутывает следы. Кабарга обладает чудесной шерстью, которая не пропускает воду, что позволяет животному держаться на плаву при пересечении водоемов. Когда кабарга лежит на снегу, снег под ней не тает, как это происходит под оленями, лосями или косулями.

– Не успел, она журавленка мгновенно сцапала, а потом уже смысла не было стрелять... К тому же от нее самой – толку чуть, мех-то у нее худой. Непромысловая она, харза эта. Зато вот енотовидная собака – зверь промысловый, для охоты очень подходящий. Пышная, длинноволосая...

– Деда, а собачки помогают в охоте?

– Хм... Еще как помогают! На кабанчика и даже на медведя не боятся напасть! Собаки, они, конечно, разные бывают... Раньше двух лет нельзя брать щенка на зверя – стало быть, надо ждать, пока окрепнет, пока силу свою почует. Остроушки почти все идут на медведя, но далеко не сразу и не поодиночке.

– А твои собачки?

– Мои – все идут! Кусают зверя за задние лапы, а сами при этом уворачиваются – чудо какие увертливые! Лося преследуют молча, обгоняют спереди и отвлекают, не дают сойти с места... Остроушки, стало быть, – собаки хорошие...

– А Буран?

– Буран? Хм... Да он вроде и не совсем пес. Он – друг мой. Он меня от медведя-шатуна спас. Жизнь за меня отдаст – ни секунды не промедлит!

– Буран хороший, я его люблю! А на волков остроушки идут?

– Не, редко идут. У них самих много крови волчьей, потому, стало быть, к этому зверю они враждебности часто не чувствуют. Буран – пойдет, он – друг. Но там, где водятся

тигры, не бывает волков: тигрица их, как кошка мышей, всех выловит.

– А тигра собаки боятся?

– Да, тигра боятся... Остроушки могут спасти хозяина от медведя: нападают на него со всех сторон, и он перестает обращать внимание на охотника – весь переключается на собак. А схватить медведю их трудно: они по сравнению с ним ловкие очень. Тигр – другое дело. Если тигр на человека пойдет – никакая собака его не остановит. От медвежьих когтей собачки уворачиваются, а от тигриных, стало быть, ни одна собака не увернется. Опытные остроушки ближе чем на пятьдесят шагов к тигру не подойдут. Видел, у нас под избой лазы узкие?

– Видел, а для чего?

– Если вдруг тигр заявится – такого, слава Богу, не бывало пока, но на всякий случай остроушкам моим убежище... Тигр – он собак убивать очень любит...

– А почему?

– Кто его знает... Питает он, стало быть, какую-то необъяснимую склонность к домашним собачкам: может часами сопровождать охотника с псом. Лакомство это для него, что ли. Кто знает? Я вот размышлял над этим раньше: собаки, они кошек не любят, гоняют. А тигр – как большая кошка. Может, он мстит собачкам за меньших братьев? А может, досадно ему, что собака человеку служит? Только Ван всегда выбирает момент, когда пес отойдет от хозяина, – и мгно-

венно убивает.

– А если пес не отходит?

– Хм... Ну, тогда тигр может идти за собакой и охотником даже до жилья – и тогда не только собачка обречена, но и для хозяина опасность смертельная. Видишь, тигр, если он возбужденный, то уж не обращает внимания на человека, бросается на пса прямо на глазах у хозяина. А если заберет собаку – оставляет, стало быть, человека в покое.

– Деда, а ты тоже тигра боишься?

– Как не опасаться – опасуюсь, знамо дело. Он зверь особенный... Вот смотри. Дикий кабан идет – за километр слышно. Олень шуршит – слышно. Даже змея – и та травой шелестит, когда ползет. А тигр подкрадется – ничего не услышишь: ни шороха листьев, ни хруста ветвей, ни шелеста травы – ни-че-го! Как привидение появляется ни-от-ку-да! Может стоять за твоей спиной – и ты узнаешь, что он там, только, стало быть, когда его усы пощекочут тебе затылок. Можешь ты себе такое представить?!

Гриша надолго замолкал, втягивал голову в плечи, смотрел то на огонь в печи, то на темные проемы окон, озирался боязливо по сторонам, засматривался на тени, пляшущие в углах. Тайга за избушкой казалась бесконечной, дремучей, страшной, легкий сквозняк от входной двери дышал холодной сыростью.

– Деда, а сюда тигр не придет?

– Как же он придет, когда он огня боится?! И ружье у ме-

ня, стало быть, метко стреляет, будь уверен! Да и в наши места он еще ни разу не забредал: разъезд недалеко, а Ван умный! Стало быть, не придет, спи спокойно!

Внук спокойно засыпал на печи, а за окнами шумела таинственная ночная тайга, и огромный царственный зверь бесшумно обходил свои владения, и чутко дремали остроушки, охраняя сон хозяев, и ярко светили в ночном небе звезды – единственные светильники в бескрайней таежной тьме.

Еще дед любил рыбалку, ловил тайменя и форель. В этих краях таймени вырастали огромными, их называли речными тиграми за острые зубы и хищный нрав. Как-то двухметровый таймень, весом килограммов девяносто, утащил деда в реку, и рыбак лихо прокатился по мелководью верхом на черной, с зеленоватым отливом спине речного тигра.

Рыбалка

Дед любил рассказывать Грише и рыбацкие байки:

– Ох и сильная рыба таймень – как торпеда мчится. Лоб широкий, пасть большая... Любит омуты и ямы.

– А что кушает?

– Так ведь не зря речным тигром зовут – все, стало быть, лопают. Хищник, одним словом... Хариуса любит, утку или кулика может съесть, если крыса у воды – крысу поймает. Мыша очень любит, на мыша хорошо тайменя ловить... Ондатру даже может утащить.

Тут в разговор вступала бабушка:

– Ты, старый, чего там сказки сочиняешь? Утку и крысу таймень утащит, знамо дело. Ондатру не сможет – велика слишком! Да и когти с зубами у ондатры большие...

Дед сердился:

– Какие сказки?! Ондатра – что? Тьфу! Крыса, она и есть крыса, только речная! Чуть побольше обыкновенного серого пасюка! Я вам вот какую историю расскажу... Пару лет назад мы с Демидом Прокофьичем на охоту ходили, а у него собачка была молоденькая, глупая еще. Вечером к реке спустились, воды котелок набрали, решили отужинать, чем Бог послал. Собака в реку зашла – таймень громаднейший из воды выскочил, только Прокофьич свою псину и видел!

– Мели, мели, старый, не утащит таймень собаку!

Дед хмурил седые брови, но с бабушкой особенно не спорил, уважал.

Бабушка, невысокая, ладная казачка, была строгая, хваткая, крепкая, держала большой огород, скотину: коров, баранов, кур, гусей, уток. Не боялась одна ходить в лес, набирала множество ягод, грибов. Разбиралась в лекарственных травах. Умело управлялась с ружьем, хоть и не охотилась никогда: тайга с ее дикими обитателями вплотную подходила к избе, и обращаться с ружьем было жизненно необходимо.

Как-то в отсутствие деда, уехавшего продавать мед, на займку появился тигр, и маленький Гриша страшно испугался, что заберет Ван милых его сердечку остроушек. Но Буран за-

года учуял хищника, завыл и увел собак в лаз, сам спустился последним, а бесстрашная бабушка, по поведению собак смекнув, что дело неладно, приготовилась и прогнала тигра без всякого оружия, просто во всю мочь колотя черпаком по жестяному подойнику.

До глубины души пораженный умом Бурана, Гриша по возвращении деда задал ему мучивший его вопрос:

– Деда, а вот у Бурана есть душа?

Дед крикнул, поднял седые брови, подумал немного, ответил тихо и не сразу:

– Ты, внучок, прямо мои мысли читаешь... Я сам над этим думал... Полагаю, есть! Что же он – камень бездушный, что ли?! Вот живут люди – и Богу молятся, стараются душу свою Духом Святым наполнить. Одухотвориться. И один на миллион – Серафим Саровский... А животные, что рядом с человеком живут, они стараются человека понять, одушевиться. И среди тысяч собак один – Буран!

– Деда, а он в рай может попасть?

Дед снова крикнул:

– Я и сам туда, может, не попаду, а ты про собаку спрашиваешь!

– А если попадешь – как Буран без тебя?!

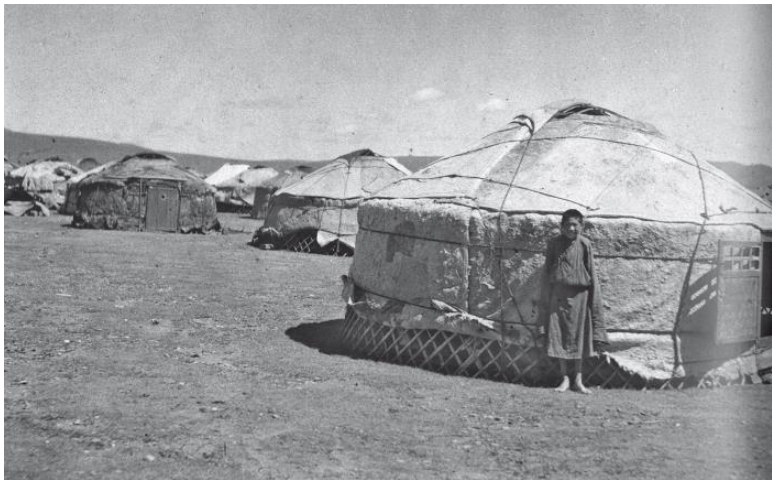
Дед оживился:

– Да я, детка, и сам так думал: как же он без меня?! А знаешь, ведь в раю животные жили! Даже змеюка – и тот жил! Почему бы и Бурану там не оказаться?! Он меня как-то

за сто километров нашел! Да он и за тысячу найдет! Думаю, он – и там, понимаешь, там, где я буду потом, он тоже сможет меня найти!

Они замолчали, надолго задумавшись: найдет ли верный Буран деда в иной жизни? А сам остроухий Буран не ломал свою большую умную голову – он-то нисколько не сомневался в том, что всегда будет там, где его хозяин, а если их разлучат, станет искать его в вечности хоть миллион собачьих жизней, искать до тех пор, пока не найдет.

По бескрайним просторам Барги кочевало множество монголов со своими пестрыми войлочными юртами, стадами верблюдов, отарами овец и табунами выносливых монгольских лошадок с подстриженной гривой, короткими ногами и крупной головой. Много было в Барге и дацанов – монастырей с большим количеством лам: одного сына из семьи монголы обычно отдавали в монахи. В дацанах изучали тибетскую медицину.

Монгольская юрта

Дед дружил с необыкновенно гостеприимными жителями степей, которые встречали гостя, как посланника небес, и несколько раз брал Гришу с собой к давним друзьям. Мальчик навсегда запомнил чудесную, пропитанную дымком юрту – уютную, надежно защищавшую ее обитателей от бурь и непогоды. Сами монголы называли юрту «гэр». Все в ней было продумано веками: обтекаемая форма защищала от сильного ветра, вход всегда был на юг, пропорции юрты напоминали модель солнечных часов, причем по месту падения солнечного луча в юрте монголы определяли точное время дня.

Гэр делился на три части: справа от входа – женская половина, слева – мужская, напротив входа – гостевая. Ставили и

разбирали гэр женщины, а мужчины занимались более трудной работой – стадами. Обычные табуны составляли пятьдесят лошадей, отары – двести-триста овец, да еще двадцать верблюдов, а всех животных нужно было перегнать так, чтобы они не разбежались.

Гриша навсегда запомнил сутэй цай²⁴ в пиалах. Иногда в этот чай добавляли муку, тогда он получался еще более сытным. Дед говорил, что порой сутэй цай служил монголам единственной пищей на протяжении многодневных переходов. Очень вкусными были печенье борцог²⁵, хальмаг²⁶, нежные куски баранины, сваренные в большом котле, и спинка молодого барашка, поджаренная на решетке на открытом огне.

Про гостеприимных монголов и верного белого Бурана, про хищного тайменя и царственного маньчжурского тигра, про любимых деда с бабкой, про родной Харбин и незабываемую Баргу Григорий рассказывал долгими вечерами молодой жене.

Время тогда шло обычным чередом, не как в суетливом и заполошном двадцать первом веке: вечер длился по-настоящему долго, неспешно тикали ходики, костром пылал вечерний закат, ночная свежесть окутывала землю зябкой про-

²⁴ Сутэй цай – ароматный, сытный чай с молоком, со слегка обжаренным бараньим курдючным салом и щепоткой соли.

²⁵ Борцог – жаренные на бараньем жире кусочки теста.

²⁶ Хальмаг – смесь пенек и муки.

хладой, и загоралась первая бледно-голубая вечерняя звезда. Как же хорошо молодоженам было вместе мечтать о путешествиях и дальних землях!

И не ведали они, что не суждено сбыться их мечтам: ни прокатиться на санях по зимней Сунгари, ни вдохнуть свежего морозного воздуха Харбина, ни аплодировать цирковым артистам, ни собирать спелой малины в лесах Барги, ни растить детишек, ни увидеть внуков – ждет молодых супругов разлука, тюрьма и пытки, издевательства и расстрел. Оба погибнут, не дожив до тридцати лет, оставив сиротами двух малолетних дочек. Россия, Россия, как безрассудно безжалостна ты бываешь к своим детям!

Конец «руссейшего» Харбина

Не знали Григорий и Верочка и того, что неумолимое время отсчитывает последние месяцы существования островка былой России в Харбине.

Харбинский поэт Арсений Несмелов²⁷ пророчески писал:

Флаг Российский. Коновязи. Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи – русский рок таков.
Инженер. Расстегнут ворот. Фляга. Карабин.
«Здесь построим русский город, назовем – Харбин».

Милый город, горд и строен, будет день такой,
Что не вспомнят, что построен русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек – не опустим глаз:
Вспомяни, старик-историк, вспомяни о нас.

Ты забытое отыщешь, впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище забежит турист.
Он возьмет с собой словарьк надписи читать...
Так погаснет наш фонарик, утомясь мерцать!

²⁷ Арсений Несмелов (1889–1945) – харбинский поэт, офицер Белой армии, участник Сибирского Ледового похода. В 1945 году был арестован смершевцами, отправлен в СССР, умер от инсульта в пересыльной тюрьме без медицинской помощи.

В 1932 году японцы оккупируют Маньчжурию и создадут здесь марионеточное государство Маньчжоу-Го. Его император Генри Пу И разместит в Харбине свою столицу. Японцы начнут вытеснять русских из города и даже занимать их дома.

В 1932 году, в двадцати километрах южнее Харбина, японцы построят секретный комплекс «Отряд 731», где займутся исследованиями в области биологического оружия. опыты будут ставить на живых людях и называть этих людей «марута»²⁸. «Опытные образцы» – китайцы, русские, монголы, ни один из «образцов» не выйдет из лаборатории живым.

Им будут прививать бубонную чуму, холеру и тиф, вырезать без анестезии органы и наблюдать, сколько времени они проживут без печени, почек, головного мозга. Будут отмораживать конечности, в том числе детям, и подвергать длительному рентгеновскому облучению, следить за протеканием гангрены и смертью в барокамере. Если родственники попытаются узнать о судьбе пропавшего человека – они сами окажутся в «Отряде 731».

Моримура Сэйити²⁹ описывал вопросы, которые интере-

²⁸ В переводе с японского – «бревно».

²⁹ Моримура Сэйити – японский писатель, публицист. Родился в 1933 году. В России получил известность после публикации в 1983 году документальной книги о спецподразделении японских вооруженных сил «Отряде 731», где в 1940-е годы разрабатывалось и применялось бактериологическое оружие, проводились многочисленные опыты над живыми людьми.

совали японцев «Отряда 731»: «Какие процессы произойдут в организме человека, если ввести ему в вены воздух? То, что это влечет за собой смерть, было известно. Но сотрудников отряда интересовали процессы, происходящие до наступления конвульсий. Через какое время наступит смерть, если “бревно” повесить вниз головой? Какие изменения происходят при этом в различных частях тела? Как отреагирует человеческий организм, если в почки ввести мочу или кровь лошади? Что будет, если легкие человека заполнить большим количеством дыма? Что будет, если дым заменить ядовитым газом? Какие изменения произойдут, если ввести в желудок живого человека ядовитый газ или гниющую ткань?»

В «Отряде 731» в течение многих лет будут ставить опыты над людьми, в том числе опыты, совершенно бессмысленные с точки зрения медицины.

В 1933 году Советский Союз начнет переговоры с японцами о продаже им КВЖД. Через пару лет сделка состоится, и все, чего достигли русские при царе, будет потеряно. В 1935 году начнется великий исход русских из любимого Харбина. Кто-то решится поехать в Советскую Россию, кто-то отправится искать счастья в Шанхай, а потом уедет в Австралию, Америку, Парагвай, чтобы стать частью великого русского рассеяния и пережить все скорби изгнанников с родной земли.

Родители Григория приняли решение вернуться на Роди-

ну: мысль о чужих краях их не прельщала. С харбинского вокзала шли в Советскую Россию эшелоны из прекрасных пассажирских вагонов, украшенные красными транспарантами и надписями: «Родина, встречай своих сыновей!»

Перед отъездом многие харбинцы молились перед установленной на вокзале особо чтимой в городе иконой святителя Николая Чудотворца, покровителя путешествующих и странствующих. Эту икону также почитали и китайцы и уважительно называли ее «Николай-вокзайла-помогайла». Родители Григория тоже усердно помолились перед иконой Николая Чудотворца – святитель смотрел печально.

– Может, вернемся домой, Мишенька? И духовник наш против...

– Что же делать, Аннушка, ведь все уже решили... Неужели ты хочешь по заморским странам мыкаться? Нет уж, пусть наши косточки будут в родной земле лежать...

Ошибка Анны Евдокимовны и Михаила Потаповича стала им понятна уже в пути: все изменилось почти сразу после отъезда из города. На пограничной станции Отпор харбинцев высадили из хороших вагонов и загнали в теплушки для скота, где вместо мягких спальных полок были деревянные нары. Туалетов в теплушках, естественно, не было, и по нужде ходили на ведро, отгороженное занавеской. Пассажиры, не привыкшие справлять естественные надобности прилюдно, сильно страдали от таких «туалетов». Следующим ударом стала конфискация книг, фотографий, да-

же патефонных пластинок, которые в те годы многие семьи очень ценили и везли с собой.

Но главный удар ждал впереди, и был он такой силы, что потеря пластинок и ведро-туалет за занавеской казались теперь забавным приключением: большинство харбинцев сразу или позже арестовали по обвинениям в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Их ожидали исправительно-трудовые лагеря, из которых мало кто выйдет живым.

Все старые служащие КВЖД, приехавшие сюда до 1917 года, не были эмигрантами или беженцами: они жили в полосе отчуждения – на территории Российской империи, однако их тоже ждали сталинские лагеря.

Сталин в сопровождении сотрудника ОГПУ

В Советском Союзе харбинцев поразило обилие пьяных на каждом перроне, нецензурная брань, к которой они не привыкли, разрушенные или превращенные в клубы церкви. КВЖД находилась в идеальном порядке, поддерживалась в чистоте, везде лежал желтый песочек, а здесь железнодорожные пути были черные, в масле.

Харбинские девушки и их матери, воспитывавшие дочерей в дореволюционных традициях, были неприятно удивлены поведением советских девушек, их бесцеремонностью в манерах, точнее полным их отсутствием. Анна Евдокимовна, проработав много лет акушеркой, повидала всякое, но даже она была поражена неопрятностью местных женщин, грубостью речи, панибратством в обращении с противоположным полом. Она старалась всячески оправдать их: тяжелый физический труд, бедность.

Это было правдой, как было правдой и то, что в Советской России хорошие манеры считались пережитком гнилой интеллигенции, к женщине полагалось относиться как к товарищу, а идеалом для подражания были революционерки-террористки: небрежная одежда, бесконечное курение папирос в мундштуке, неприятие домашнего уюта, непримиримость по отношению к врагам революции.

Тех, кто не уехал в Советский Союз и не эмигрировал в Австралию, США и Южную Америку, а принял решение

остаться в Харбине, тоже ждали тяжелые времена. Случится с ними следующее. В середине августа 1945 года русские харбинцы встретят советские войска хлебом-солью. Все выйдут на улицы, радостно будут кричать «Ура!», даже китайцы на улицах тоже поддержат приветствие и закричат вслед за русскими: «Уля! Уля!»

В Харбине на два месяца установится советская власть, в православном храме разместится отделение Главного управления контрразведки Смерша, и каждую ночь в городе будут производиться массовые расстрелы. Тогда будут убиты и высланы в сталинские лагеря десятки тысяч ни в чем не повинных русских людей.

Те, кто останутся в живых, надолго запомнят большой советский прием в честь победы над Японией. Второго сентября 1945 года советские власти разошлют приглашения лучшим людям Харбина: ученым, преподавателям, музыкантам, инженерам. Радостные приглашенные наденут лучшие костюмы и отправятся на свой последний в жизни банкет. Присутствующий на торжестве советский генерал скажет тост: «За прекрасных русских людей, живущих здесь, в Китае, которые оказали неоценимую помощь Советской армии в победе над японцами. За цвет мужского населения Харбина! За вас, герои! Ура!»

Харбинцы будут радостно аплодировать генералу. После торжественного застолья советские солдаты с автоматами возьмут их, ничего не понимающих, не успевших проститься

с родными, под конвой, отправят кого в советское консульство, кого в тюрьму, а затем отвезут на вокзал. Их родственники так и не узнают о дальнейшей судьбе арестованных.

Чудом оставшиеся в живых будут вспоминать, как везли их этапом вглубь России: в Сибирь или на Урал. В холодных вагонах нары были устроены в два ряда, так что заключенным приходилось спать, тесно прижавшись друг к другу, и одновременно переворачиваться. В туалет почти не выводили, и вокруг стояло зловоние. На остановках в буржуйки подкидывали каменный уголь, и какое-то время люди изнемогали от духоты, чтобы потом опять лязгать зубами от холода.

Время от времени выдавали мерзлый хлеб и уж совсем редко горячее жидкое варево – жалкое подобие похлебки. Катастрофически не хватало питьевой воды, и заключенные лизали испарения со стен вагона. Бедолаг сильно мучили вши, и они расчесывали свои тела в кровь. Постепенно люди стали умирать: от кровавого поноса, от сердечно-сосудистой недостаточности, крупозной пневмонии, отказа почек...

Железнодорожный вокзал в Харбине

Трупы подолгу не забирали из вагонов, они примерзали к ледяному полу, и живые спотыкались о мертвых. На каких-то станциях умерших выносили, где-то прикапывали – впоследствии родные никогда не могли найти их могилы. Уцелевшим после такого этапа лагеря казались раем, но из этих лагерей почти никто не вышел живым.

В 1952 году Советский Союз безвозмездно передаст права на управление КВЖД правительству КНР. К этому времени почти все русские покинут город. Так печально закончится существование «руссейшего» Харбина.

Что же останется россиянам? Память да пронзительные

строки харбинского поэта Григория Сатовского-Ржевского,
умершего в сорок шесть лет от туберкулеза:

Равнодушно брожу по чужим городам,
Вечный странник без дома и связей,
Но в изгнание запомнится слово – Аньда —
Этот русский пустынный оазис.

Поезд мчится в степи. Здесь куста не сыскать,
В этих желтых маньчжурских равнинах.
Тихой грустью внезапно пахнула опять
На перроне родная картина:

Русский стрелочник с выцветшим серым флажком,
Русский смазчик, бредущий с развальцей,
И с околышем красным, с блестящим жезлом
Вышел к поезду русский начальник.

На вокзале встречает нас русская речь,
Улыбаются русские лица,
Белокурый парнишка с лозою стеречь
Гонит в травы послушную птицу.

Точно в русской деревне, коровы бредут,
У ворот их хозяйки встречают,

И в любом из домов здесь пришельца зовут
К бесконечному русскому чаю...

Ночь. В окошках мелькают вдали огоньки,
Жаркий ветер по улицам рыщет,
Из маньчжурской пустыни наносит пески
Он к могилам на русском кладбище.

Заметает с шуршанием желтый песок
Зелень, улицы, рельсы стальные;
В жарком саване пыльном заснул уголок
Прежней, грустной, любимой России.

«В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...»

Но вернемся из Харбина в Синьцзян, отгороженный пустыней от остальной территории Китая.

В 1931 году, когда Вера Константиновна и Григорий Михайлович строили планы на счастливую жизнь в Харбине, восстали дунгане – мусульмане Синьцзяна, и теперь жизнь каждого из мирных жителей этих мест висела на волоске. Восстание началось в Хами и перекинулось на юг до Кашгара и на северо-запад до Кульджи. Общая численность конных дунганских повстанцев составила около десяти тысяч человек. Они были вооружены тесаками, а не саблями, как принято в кавалерии, и сопровождали свое наступление страшным кровопролитием и резней «неверных».

«Неверными», или «нечистыми», дунгане считали как китайцев, так и русских – всех, кто ел свинину. Убийство «неверных», как исполнение священного завета, не считалось у них грехом. Издеваясь над попавшими в плен, дунгане сдирали с живых людей кожу, вытягивали внутренности, развешивали их по кустарникам и заборам для устрашения врагов.

Китай помнил подобное в 1862–1869 годах: тогда дунгане тоже вырезали «неверных», не щадя ни женщин, ни де-

тей, поднимая на копья даже грудных младенцев. Погибли по разным оценкам от десяти до пятнадцати миллионов человек. Нынешнее восстание также грозило стать катастрофой для Синьцзяна.

Вот тогда-то и пригодились здесь белые, которые были храбрыми, умелыми воинами. В отличие от белых офицеров, в большинстве своем людей чести, китайские офицеры часто оказывались нечисты на руку, любили торговать и даже во время военных действий искали для себя источники выгоды. Солдаты-китайцы – бывшие мирные земледельцы – были плохо организованы, не имели ни выучки, ни хорошего оружия.

В китайской армии обычным делом считалось наказание палками для всех чинов, а пайки были настолько маленькими, что голодали и солдаты, и офицеры. В таких условиях процветало дезертирство, и даже ворота китайских воинских частей закрывались на ночь не из опасения противника, а дабы часовые не разбежались по домам.

Генерал-губернатор Синьцзяна Шэн Шицай, именуемый королем Синьцзяна, объявил себя другом советской власти и поборником марксизма, вступил в ВКП(б) и управлял округом вполне в русле традиций советских чекистов: в годы его правления самым любимым инвентарем местных судей и начальников полиции были плетки для битья по щекам, палки для битья по бедрам, колотушки для битья по щиколоткам, колодки для зажима ног, станки для зажатия голеней и ин-

струменты для прибивания за ухо к стене.

Начальник одного из уездов Синьцзяна даже аккуратно развесил все эти орудия на стене под портретами Шэн Ши-цая и Сталина, прокомментировав свою наглядную агитацию: «С этим народом без палки никак нельзя».

В итоге в Синьцзяне говорили, что пятьдесят русских казачков, бывших защитников царя и Отечества, воюют лучше, чем пятьсот китайских солдат. Хорошо знали об этом хунхузы – китайские разбойники, которые, завидев папахи казачков, дружно разбежались с истошным криком: «Ламоза!»³⁰

³⁰ Лохматая шапка (кит.).

Оренбургские казаки на верблюдах

За свое согласие принять участие в подавлении восстания белые потребовали у китайцев официально выделить им земельные наделы, а также открыть начальные русские школы и гимназию в Урумчи. Китайцы очень быстро согласились на все требования, и белые молниеносно собрали четыре конных полка численностью от пятисот до тысячи бойцов каждый.

Москва также не сидела без дела: советская власть не стала ждать, пока пожар войны перекинется через границу, и ввела в провинцию части регулярной Красной армии. Тогда произошло невозможное: в горах и пустынях Синьцзяна красные и белые сражались на одной стороне.

Вера Константиновна ждала ребенка, но ее супруг, Григорий Михайлович Иванов, не мог остаться в стороне от военных действий. Он возглавил один из полков, сформированный в Чугучаке, всего в двадцати километрах от советской границы. Первенец Григория и Верочки, дочка Маргарита, родилась, когда ее отец воевал с дунганями.

Кадровый офицер, Григорий Михайлович, как и другие белые офицеры, прекрасно знал устав царской армии. Строжайшая дисциплина в их полках строилась на основе этого устава. За дисциплинарные нарушения и преступления полагались строгие наказания: за грабеж – расстрел, за мелкие нарушения – порка плетями. На вооружении, кроме обыч-

ных сабель, белые имели десятизарядные английские или пятизарядные японские винтовки. Пуля из японской винтовки пробивала стекло навывлет, не раскалывая его.

Выучка и храбрость белых офицеров, оренбургских и семиреченских казаков, прошедших через горнило двух войн, не шла ни в какое сравнение с подготовкой повстанцев и мародеров. К 1934 году в результате боев с русскими полками мятежные дунгане были разбиты и оттеснены на юг, за Урумчи, предводитель восставших бежал.

Погибших русских было немного. Среди них, к несчастью, оказался юный Сергей Дубровин, сражавшийся вместе с Григорием Михайловичем. Его героическая гибель стала страшным ударом для всех Дубровиных.

О подобных Сергею русских воинах писал горькие строки Николай Туроверов:

Точно жемчуг в черной оправе,
Будто шелест бурьянов сухих, —
Это память о воинской славе,
О соратниках мертвых моих.
Будто ветер, в ладонях взвесив,
Раскидал по степи семена:
Имена Ты их, Господи, веси —
Я не знаю их имена.

Китайские власти определили русским участникам войны паек: полтора пуда муки на каждого члена семьи. Это

стало огромным подспорьем. Также китайцы приняли решение выделить русским воинам земельные наделы. Это было неслыханно: беженцы из Советской России обзаводились собственной землей в Китае. Однако оказалось, что сделать это не так просто: земли находились в собственности монгольских князей и прочей знати.

В 1934 году в Кульджу приехали правительственные чиновники, которые вежливо, в соответствии со всеми правилами китайской дипломатии, обратились к князьям с просьбой поделиться землей. Князья поделились, причем довольно щедро – десять гектаров на каждого русского участника Дунганской войны.

Русские очень быстро стали поднимать хозяйства, где в конюшнях красовались гладкими боками несколько лошадок, а в коровниках мычали больше десятка удоистых коров! Впервые появились бесплатные русские двухклассные школы.

Кзаки

Григорию и Верочке было даровано короткое семейное счастье. Они все еще мечтали о Харбине, но как пускаться в такую дальнюю дорогу с крошкой-Риточкой? К тому же Вера Константиновна опять носила под сердцем дитя и не хотела никуда уезжать от отца, Константина Петровича, опытного доктора.

В 1935 году у молодых родилась вторая дочка – Лидочка. Вера после первого трагического брака вернула свою девичью фамилию, а когда вышла замуж за Григория Михайловича, то оба решили, что не только она сама останется Дубровиной, но и их дети будут Дубровины: фамилия известно-

го в Синьцзяне врача обещала больше безопасности ее обладателям, чем фамилия боевого белого офицера. Таким образом, и Ритка, и Лидочка стали Дубровиными, но самим малышам пока это было абсолютно безразлично, лишь бы расти рядом с любящими их людьми.

Мирная семейная жизнь рядом с родными, что еще нужно человеку?! Но не все шло гладко, рано было радоваться белым офицерам и казакам: после победы дружба между красными и белыми быстро закончилась – «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...»

Советы начали все больше вторгаться в жизнь Синьцзяна: здесь было очень много полезных ископаемых и богатейшие земли. ОГПУ и Коминтерн раскинули в провинции свои страшные сети. В 1937 году начались аресты лидеров белой эмиграции: красные решили покончить с недавними союзниками и уничтожить белых в Синьцзяне навсегда.

Год Большого террора

В далекой, но родной России 1937 год стал годом Большого террора. В стране началась массовая истерия и шпиономания, отчаянный поиск и уничтожение «врагов народа и вредителей». Начальники УНКВД получали разверстки на тысячи человек и, чтобы выполнить план, выдумывали несуществующие шпионские, диверсионные и вредительские группы. Арестованных без всякой вины людей подвергали пыткам, конвейерному допросу, не давали спать и есть, а выбив признание, расстреливали.

Расстреляны были почти полмиллиона «кулаков». Одних священников было арестовано сто тридцать семь тысяч, большая часть расстреляны. Нарком внутренних дел Николай Ежов возмущался тем, что по стране до сих пор ходят живые монахи и архимандриты: «Я не помню, кто это мне из товарищей докладывал, когда они начали новый учет проводить, то у него, оказывается, живыми еще ходят семь или восемь архимандритов, работают на работе двадцать или двадцать пять архимандритов, потом всяких монахов до чертика. Все это что показывает? Почему этих людей не перестреляли давно? Это же все-таки не что-нибудь такое, как говорится, а архимандрит все-таки. Это же организаторы, завтра же он начнет что-нибудь затевать...»

Командиры и бойцы РККА в 1930-е годы

Знаменитую КВЖД продали, и в Советский Союз вернулись несколько десятков тысяч русских, работавших ранее на этой дороге. Все они проходили под кодовым названием «харбинцы». Из харбинцев арестованы были тридцать тысяч человек, к расстрелу приговорены около двадцати тысяч.

Тройки по Москве и Московской области быстро и успешно пересматривали дела инвалидов, осужденных по разным статьям на восемь – десять лет лагерей. Всех их приговаривали к высшей мере наказания по одной простой, но весомой причине: инвалидов нельзя было использовать как рабочую силу.

Всего только за 1937–1938 годы были репрессированы около полутора миллионов человек, больше половины расстреляны.

Любопытно, что НКВД помимо истребления собственного народа вполне успешно занимался самоистреблением: из тридцати семи комиссаров госбезопасности к концу Большого террора в живых осталось только двое. Прекрасным стимулом к самоистреблению НКВД стала возможность для чекистов сделать карьеру, уничтожив собственных начальников.

Один из главных организаторов Большого террора Ежов, требовавший применять пытки к арестованным, сам был обвинен в подготовке государственного переворота и расстрелян в 1940 году. В последнем слове на суде он жаловался: «На предварительном следствии я говорил, что я не шпион, я не террорист, но мне не верили и применили ко мне сильнейшие избиения».

Еще 1937 год стал годом успешного завершения второй пятилетки: Советский Союз обогнал Великобританию и Францию по уровню производства чугуна, стали и электроэнергии. На очередном съезде партии Сталин гордо заявил: «По темпам роста наша социалистическая промышленность стоит на первом месте в мире». Страна рукоплескала вождю: чугун и сталь были гораздо важнее человеческих жизней.

В этом же году на Всемирной выставке в Париже успехи СССР демонстрировал русский павильон, расположенный

аккурат напротив германского. Советскую мощь и динамику олицетворяла скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» из нержавеющей стали. Сталь вообще очень нравилась коммунистам: «Как закалялась сталь», «стальные» нервы, Сталин, железный Феликс... Сталь была гораздо надежнее слабой человеческой плоти...

Скульптура «Рабочий и колхозница» на всемирной выставке в Париже. 1937 год

Архитектор Альберт Шпеер, будущий министр вооружений воинственной Германии и личный архитектор Гитлера,

вызвав хранившийся в тайне эскиз советского павильона, спроектировал немецкий павильон в пику русским. Шпеер вспоминал впоследствии: «Скульптурная пара высотой в десять метров победоносно двигалась по направлению к германскому павильону. Поэтому я создал эскиз кубической массы, которая была поднята на мощные опоры. Казалось, что эта масса останавливает наступление фигур. В то же время на карнизе башни я поставил орла, который держал в когтях свастику. Орел сверху вниз смотрел на русскую скульптуру. Я получил золотую медаль выставки за павильон». Правда, он признавал: «Такой же награды удостоились и советские коллеги».

Ровно через восемь лет Альберт Шпеер станет одним из немногих военных преступников, полностью признавших свою вину на Нюрнбергском процессе. Его приговорят к двадцати годам тюремного заключения, и в последнем слове он скажет: «Диктатура Гитлера была первой диктатурой индустриального государства в век современной технологии... С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление».

Гитлер в Японии. 1937 год

Но до этого момента было долгих восемь лет, а пока немецкий орел свысока смотрел на «Рабочего и колхозницу», и безмолвная конфронтация двух держав на Всемирной выставке мистически предвещала грозные грядущие события.

Зачем эту белобандитку спасти?!

А в далеком Синьцзяне всем Дубровиным тоже грозила страшная опасность.

Незадолго до ареста в 1937 году Константин Петрович, постаревший, седой, осунувшийся, навестил любимую дочь Верочку. У Веры Константиновны и Григория Михайловича росли две дочери: пятилетняя Рита и двухлетняя Лида. Дед подошел к кроваткам спящих внучек, внимательно взгляделся в детские личики, встал на колени перед кроваткой младшей и долго молился, а затем подошел к кроватке старшей. Девочка проснулась, словно почувствовала присутствие любимого дедушки, потянулась к нему, и довольный дед взял ребенка на руки.

Смерть стояла у Константина Петровича за спиной – жить ему оставалось всего несколько суток, и душа его уже чувствовала и понимала больше, чем требуется для земной жизни. С прозорливостью стоящего на краю двух миров, Дубровин, старый врач, спасший из лап смерти множество детей и принявший бесчисленное количество родов, тихо сказал дочери:

– Верочка, я последний раз держу этого ребенка на руках. Мне очень мало остается жить, красные уже здесь. Много будет слез, многие дети останутся сиротами. Но я тебе единственное скажу: береги эту девочку – она особенная. Она со-

хранит и спасет все, что останется от нашей семьи.

Вера Константиновна расстроилась от непонятных слов, мурашки побежали по коже от их странной силы:

– Папа, что за странные предсказания? Чем эта малышка такая особенная? Самая обычная девочка... И почему ты такую тяжесть предрекаешь моему ребенку?

– Ей хватит силы духа.

И дед обнял Ритку, подошел к святым иконам и горячо попросил:

– Святителю отче Николае, сохрани мою внучку! Ей суждено пройти трудный путь... Не дерзаю просить тебя, чтобы ты избавил ее от испытаний и скорбей, что выпадут на ее долю, но молю: будь рядом с ней! Не допусти преждевременной гибели, буди защитником! Не позволь сломать ее силам зла, но да закалится и окрепнет она во всех скорбях! Приведи в ее жизнь добрых и сильных людей и наставь на путь спасения!

Это был последний раз, когда Ритка видела дедушку.

Через три дня начались страшные аресты. Люди исчезали по ночам: к дому подъезжал «черный ворон», врывались чекисты, шел обыск с конфискацией имущества, затем арест. Когда чекисты обыскивали дома русских – первым делом снимали иконы, топтали их, хохотали.

Дедушка Риты и ее отец, бывший командир полка, были арестованы в числе первых. Их обвинили в том, что они вывезли золото из России, и в каких-то других немислимых

преступлениях, держали в тюрьме, при допросах подвергали пыткам, мучили, избивали. Свидания и переписка с арестованными запрещались, хотя передачи принимали: их принимали, даже когда те, кому эти передачи предназначались, были давно расстреляны.

Расстреляли дедушку и отца Ритки быстро – без суда. У обоих в деле было помечено: ВМН – высшая мера наказания. Расстрелы проводили тайно, и родные долгое время ничего не знали об участи жертв чекистов.

С семьями арестованных боялись общаться, и женская половина семьи Дубровиных быстро почувствовала страшную пропасть между собой и окружающими. Впрочем, недолго им пришлось переживать эту скорбь: очень скоро, глухой ночью, к ним снова ворвались чекисты. Бабушку с Риткой и Лидочкой заперли в одной из комнат, начались обыск и конфискация.

Веру Константиновну жестоко избили, причем эту хрупкую молодую женщину били здоровенные мужчины, били не спеша, деловито, словно занимались привычной работой. Впрочем, так оно и было. Затем один из чекистов полоснул Верочку ножом по ее тонкой и нежной шее и бросил у дома, думая, что она мертва.

Под утро садовник-китаец выпустил из запертой чекистами комнаты перепуганную до смерти бабушку с детьми. Он же нашел Веру Константиновну лежащей в луже крови, но еще живой. Ритка успела увидеть мамочку и громко кричала

от ужаса, Елизавета Павловна еле смогла успокоить ее.

Садовник спрятал страдальицу в церкви, затем привез к хирургу. Хирург был евреем, его звали Давид. Верочка слышала, как он сказал медсестре:

– Да зачем эту белобандитку спасать?! Ее все равно расстреляют!

Сестра милосердия ответила:

– Вы врач. Спасите ее! Не наше дело, что с ней будет потом.

Вера Константиновна выжила. У нее было чудесное соприкосновение, но после этого она могла только хрипеть. Как только она немного оправилась от страшной раны и потери крови – ее арестовали снова, а вместе с ней и бабушку, Елизавету Павловну, и Риту с сестренкой. Какое-то время они находились в тюрьме в Куре.

Елизавета Павловна крепилась и поддерживала дочь, но эти страшные события были для нее тяжелым ударом. Любимая Родина, посланниками которой они были долгие годы на чужбине, каким-то ужасным образом на ее глазах превратилась в нечто непонятное и враждебное и принялась уничтожать собственных детей, причем самых лучших, самых достойных из них.

Китайцы говорят: «Обзавестись домом так же трудно, как иглой ковырять землю; разорить дом так же легко, как воде унести песок». Вот и нет больше милого дома у Дубровиных, нет ни защитников, ни прибежища.

Первые воспоминания Ритки

Первые воспоминания Ритки относились к Урумчи: снежные шапки Тянь-Шаня, серебристая зеркальная поверхность большого озера, куда они, видимо, выезжали всей семьей для отдыха.

Снежные шапки Тянь-Шаня

Дальше воспоминания становились мрачными: она помнила сырую холодную камеру, в которой народу набилось так много, что невозможно было лечь – не хватало места. Нако-

нец мамочка нашла какой-то уголок и смогла уложить Ритку и Лидочку. Бабушки не было с ними, ее поместили в другую камеру. В тюрьме свирепствовали тиф и холера. Тиф, что в старину называли гнилой или нервной горячкой, не обошел стороной и дочерей Веры Константиновны.

Эта страшная болезнь любит скопление людей – грязных, невымытых, голодных людей, и тюрьма была излюбленным местом ее обитания. Коварный тиф поражает незаметно, человек может быть уже болен, но не знать об этом: признаки болезни появляются чаще всего только на седьмые – десятые сутки. Бактерии выделяются в это время уже не только с испражнениями, но даже с потом: окружающие могут заразиться смертельной болезнью в любую минуту.

Рита помнила, как мамочка сидела возле нее и клала прохладную ладонь ей на пышущий жаром лоб, – это было единственным лекарством. Жар сменялся ознобом, затем снова жаром, страшно болела голова, ломило кости, мышцы, мучила упорная рвота. Ритка уже хотела только одного – умереть, когда внезапно, под утро, на ее исхудавших ключицах и впалом животе высыпали розовые пятна. Температура спала, и больная пошла на поправку. Она еще долго чувствовала сильную слабость и заново училась ходить: ослабевшие ножки отказывались держать свою маленькую хозяйку.

Во время болезни дочери Вера Константиновна не спала, а лишь впадала в короткую дрему и тут же просыпалась. Сердце трепыхалось, она боялась: стоит ей уснуть – смерть за-

берет ее Риточку. Когда опасность миновала, Вера Константиновна уснула крепким сном. Она уснула сидя, прислонившись к холодной стене, и ни крик соседок по камере, ни духота, ни нестерпимая вонь от переполненной параши не могли потревожить ее сна.

Когда Вера Константиновна проснулась – оказалось, что температура поднялась у младшенькой – Лидочки. Коварный тиф дал матери короткую передышку и взялся за вторую дочь. Хрупкая Лидочка болела тяжелее старшей сестры. Около двух месяцев малышка находилась между жизнью и смертью, и только материнская молитва не отпустила ее в мир иной.

Когда обе дочери выздоровели – роскошные, густые волосы их матери от переживаний выпали клочьями, а оставшиеся редкие пряди из золотисто-пшеничных стали совершенно седыми. В тюрьме Вере Константиновне исполнилось двадцать девять лет.

Для русских начали строить, опережая фашистов, газовые печи. Начальник тюрьмы, монгол, знал Константина Петровича, поэтому давал его жене и дочери с детьми дополнительный паек, иначе бы все они умерли с голоду еще тогда. Потом этот монгол вывел Дубровиных из тюрьмы, посадил в грузовик и отправил в Кульджу. Как ему это удалось – Ритка не знала. Знала только, что их спаситель – бывший пациент дедушки. Как много добра нужно сделать, чтобы люди не просто помнили о самоотверженном докторе, а рисковали

ради его близких собственной жизнью...

Милый дедушка Константин Петрович! Ты достойно представлял Россию в чужой стране и был настоящим посланником своей Родины! Ты всю жизнь творил добро, лечил бескорыстно и богатых, и бедных, и даже в тюрьме вылечил нескольких больных.

Одним из них был бедолага-сокамерник, заразившийся кожной болезнью, которая называлась среди простого народа «огонек». Эта язва часто выбирала себе местом жительства голову человека, тогда «огонек» выедал все корни волос, и больной оставался плешивым. Если «огонек» садился на руки, он съедал ногти, образовывал болезненные ямки на коже. Дед, как доктор, до самого расстрела пользовался определенной свободой передвижения и под бдительным оком конвоя собирал травы – лечил больных.

Милый дедушка! Ты помог даже одному из своих тюремщиков, рыжему веснушчатому чекисту, вылечил его загноившуюся рану на предплечье. И когда тебя вели на расстрел и уже все было понятно, истекали последние минуты твоей щедрой и праведной жизни, ты не забыл проверить перевязку, порадоваться быстрому заживлению раны, и рыжий потом, неожиданно для самого себя, плакал как ребенок, стоя у холодного страшного рва.

В Кульдже

Следующим воспоминанием Ритки была Кульджа, расположенная на северном берегу реки Или. Вода в Или летом была теплой, в ней можно было прекрасно купаться, если бы не водяные змеи. Их здесь оказалось огромное количество: они плавали в воде и часто выползали на берег, где чувствовали себя вполне уверенно. Водяные змеи питались рыбами и раками: их укус убивал или парализовывал свою речную добычу, для человека же был безвреден, но Ритка все равно боялась этих змей.

Однажды она играла у реки, собирала камушки, мастерила маленькие арычки³¹ и запруды и вдруг почувствовала под ногами что-то мягкое – это оказалась большая серая змея. Она зашипела на Ритку, поднялась, готовясь к броску. Девочка резко отпрыгнула в сторону, и змея, поднимая пыль, быстро поползла к реке и погрузилась в воду. Долго Ритку при воспоминании об этом случае передергивало от ужаса и брезгливости, и теперь она внимательно смотрела под ноги, а чаще всего ходила у реки с крепкой палкой.

Позднее она узнала, что самые опасные не серые, а черные змеи, большие и длинные. От их укусов люди часто умирали. Интересно, что змеи время от времени кусали домашних

³¹ Арыки – оросительные каналы или протоки, которые отводят воду от реки или ручья, а также канавы, прорытые на полях для полива растений.

кур, и куры, такие маленькие по сравнению с людьми, тем не менее выживали. Правда, они теряли все перья, слепли и бестолково кружились по двору, по этому признаку хозяева узнавали о змеином укусе. Но через несколько дней куры приходили в себя, снова обретали зрение и обрастали новыми перьями.

Змеи считались очень живучими: кажется, убили гадину, а оставь ее лежать, она через некоторое время уползет. Поэтому местные, убив змею, всегда отрубали ей голову.

Кульдже повезло: город построили между долиной и горами, в горах бывало холодно, в долине слишком жарко, а здесь умеренные зимние морозы и теплое, тихое лето. Это было сухое тепло с легким освежающим ветерком – такое приятное в отличие от влажного жаркого юга Китая, где пот стекал ручьями с непривычных к такому климату европейцев и мокрая одежда прилипала к разгоряченному телу.

Лучи солнца в Кульдже не жгли, не палили, а ласкали, и под этими ласковыми лучами зрели на многочисленных бахчах вкуснейшие синьцзянские дыни и сахарные арбузы.

По обеим сторонам улиц протекали арыки, местные говорили «арычки»; за арычками – немощные тротуары. Они были узковатые, грязные в дождь, если прохожие шли навстречу друг другу, то расходились с трудом. Когда в Кульдже появились русские, то уйгуры при встрече на узкой дорожке могли столкнуть чужаков прямо в грязь.

Вообще в этих краях часто было беспокойно: слишком

много национальностей, каждая со своими верованиями, привычками, традициями. Как живут соседи в коммунальной квартире: иной раз дружат до родства, а иной, напившись горькой, избивают друг друга до полусмерти, – так соседствовали и народы Синьцзяна.

Старикам Кульджи было памятно, как воевали китайцы с уйгурами, как мужчины уходили на войну, а на женщин с детьми нападали калмыки, забирали как добычу с собой. Нападали днем, поэтому женщины и девушки забирали с утра детишек, уходили из города, прятались до темноты в густых зарослях тальника, что рос по берегам Или.

Калмыки искали их, и женщины спускались в реку с обрывистых берегов, прятались в воде, держась за корни деревьев, – только головы торчали на поверхности. Многих детишек и молоденьких девушек уносило течение, и по Или плыли детские шапочки и тюбетейки – река не возвращала свои жертвы.

Сейчас в Кульдже стояло краткое затишье. Город жил мирно. Уличные дороги были покрыты пылью, которая поднималась вверх от движения повозок и долго висела в воздухе. От большого количества повозок эти дороги покрывались не только ямками, но и большими ямами, весной и осенью полными густой грязи.

Самая большая улица города называлась Тугры купир, что означало «Прямой мост». Грязь здесь доходила до колен лошади, и это было еще ничего, потому что на остальных ули-

цах – Муйын кисек, Китай базар – жидкая грязь доходила лошади до самого живота. Мамочка и бабушка боялись за Ритку – как бы не упала в такую яму: случилось, что в них даже тонули бедные ишаки.

Уличные сцены

Часто на уличных дорогах можно было увидеть, как бык или пара быков тянут арбу, нагруженную тяжелыми мешками. Иной раз арба так прочно застревала в большой яме, что бык никак не мог сдвинуть ее с места, и тогда хозяин изо всех сил тянул веревку, привязанную к кольцу в носу быка. Из большого черного носа текла кровь, капала в грязь, но за

веревку неумолимо тянули, при этом награждая быка сильными ударами длинного кнута.

Когда Ритка впервые стала свидетельницей такого зрелища, она плакала. Потом старалась не смотреть в сторону проезжавших мимо телег. Заметила, что китайцы не били своих лошадей, поэтому китайские лошади были сытыми, сильными и никогда не застревали в грязи.

В каждый двор вели широкие мостки, и его окружали высокие стены с деревянными воротами. На ночь окна домов изнутри закрывались на ставни. Самые богатые строили дома из кирпича, средние – из дерева, самые бедные – сбивали из простой земли, с земляными полами. Но все они были без удобств и электричества.

Топили жилье чем придется: соломой, дровами, сорной травой, кизяком. Кизяк делался так: брали навоз любой домашней скотины, в основном овец или коров, смешивали с мякиной или соломой, сушили на солнце, а потом складывали лепешки или кирпичики в кучу под навесом. Горел кизяк не очень, к тому же сильно дымил.

В Кульдже Дубровины жили в казарме, однако после тюрьмы эта казарма казалась им раем.

Русская лекарка

В то время в Кульдже уйгуров называли таранчи, а татар нугаями. Соседями Дубровиных были таранчи, нугаи и дунгане. Ритка познакомилась с уйгурской девочкой Гульсумхан и даже побывала пару раз у нее в гостях. Подружками они не стали: уйгурка сидела дома и помогала старшей сестре по хозяйству, месила тесто для лепешек, кормила скот, а у Ритки в казарме не было ни скотины, ни хозяйства, мамочка с бабушкой в помощи не нуждались, и русская девочка целыми днями напролет осматривала окрестности.

Уйгуры относились к русским неважно, зато очень любили татар и с радостью выдавали своих дочерей за них замуж: ценили их религиозность и грамотность. Почти все татары были грамотными, и уйгуры к татарским именам даже добавляли слово «мулла»³²: Вали-мулла, Риза-мулла, Вафа-мулла. Грамотных татарок уйгуры величали уважительно «мулла-хатын».

Елизавета Павловна с Верочкой и раньше, благодаря врачебной практике Константина Петровича, близко общались с людьми самых разных национальностей, а сейчас, имея в соседях уйгуров и дунган, близко познакомилась с их повседневной жизнью и имели возможность сравнивать обычаи и

³² Муллами обычно называли мусульманских духовных лиц и просто грамотных людей.

традиции.

Особенно часто приглашали в гости бабушку: много лет помогая деду в приеме больных, она могла правильно поставить диагноз и дать дельные советы в лечении. Как-то, поспешив на причитания соседки-уйгурки, решившей, что ее муж умирает, Елизавета Павловна обнаружила обычное несварение желудка после свехобильного ужина и спокойно спасла «умиравшего» английской солью в качестве слабительного и таблеткой люминала на ночь.

Бабушка облегчила также страдания старшего сына этих же соседей: осмотрев больного, поставила диагноз «малярия» и «прописала» хинин, который очень хорошо помог бедному юноше.

Маленькую дочку соседей-дунган, страдавшую уже целый месяц лихорадкой, бабушка боялась лечить: не могла понять причины лихорадки. На малярию было не похоже. Елизавета Павловна вздыхала:

– Был бы Костя с нами, он бы вылечил.

Наконец, пожалев малышку, которую родители уже готовились хоронить, бабушка решила: с утра приготовила отвар из листьев сенны и первым делом прочистила девочке кишечник, затем прогрела ледяные ножки горячей водой с горчицей и дала крошечную порцию хинина. Вечером заварила чай из корня пиона, вспомнив, как рассказывал ей Константин Петрович о жаропонижающем и противовоспалительном действии этого чудесного растения.

На следующий день повторила процедуры. Когда Елизавета Павловна пришла лечить больную на третий день – девочка, веселая и живая, выбежала ей навстречу: лихорадка отпустила ее.

Благодарные соседи не знали, куда посадить и чем угостить русскую лекарку. Вместе с бабушкой обычно отправлялась в гости и любознательная Ритка.

Жить в соседах – быть в беседах

Татары в Кульдже считались богатыми, они строили дома с окнами, а уйгуры – сплошь без окон, вместо них пробивали отверстие в потолке и ставили деревянную решетку – панджару. В большой комнате делали две панджары, в маленькой – одну, причем отсутствие окон объясняли защитой от воров.

В гостиной соседей-уйгуров Елизавета Павловна, к своему удивлению, не увидела никакой мебели, кроме низкого маленького столика на возвышенной половине комнаты. За этим столиком хозяева обычно ели, сидя на полу, покрытом мягким шерстяным войлоком, серым с белыми узорами. Возвышенная часть считалась теплой и чистой: поднимаясь туда, снимали обувь. В общем, жили уйгуры на полу, подобно кочевникам.

В комнатах без окон всегда стоял полумрак, освещались они масляным светильником: в миску наливали льняное масло, скручивали фитилек и опускали в это масло. Светильник коптил и издавал неприятный запах, которым пропитывалась вся одежда и белье.

Уйгуры в национальных костюмах

Для русских такой дом был слишком темным, подобно чулану. Дубровины привыкли к светлым комнатам, большим окнам, чтобы любоваться из них закатом и восходом, чтобы в стекло стучали душистые ветви сирени, чтобы распахнуть после грозы ставни – и дом наполнился свежим воздухом. В отличие от русских, уйгуры свое жилье не белили, считая, что известь вредна.

В каждом уйгурском доме стояла печь для выпечки хлеба – тандыр. Зимой продукты хранили в леднике, летом коптили, сушили. Мясо часто резали кусочками, жарили и скла-

дывали в горшки, заливая сверху салом, – такое мясо могло храниться какое-то время. Из горшка брали понемногу и варили обед.

Уйгуры очень любили байховый чай, но пили его не так, как русские, а с молоком и солью, из широких и глубоких чашек, накрошив туда предварительно уйгурских лепешек. Называли этот чай «атканчай». Если в доме имелась такая роскошь, как сливочное масло, то с удовольствием добавляли и его в сей сытный напиток. Иногда вместо масла лили в чашку сметану и посыпали все семенами кунжута. Получался почти суп, и Елизавета Павловна, когда ее в первый раз угостили таким чаем, ждала ложку, но заметив, что ложками никто не пользуется, принялась пить, как все, через край чашки. Оставшуюся на дне заварку, прежде чем выбросить, долго жевали.

Когда подали горячий плов с бараниной и курдючным жиром, Елизавета Павловна уже не ждала столовых приборов, а ела его, как и хозяева – тремя пальцами, сложенными вместе.

В дни праздников соседи-уйгуры устраивали пиршество – мяшряп. Спиртного они не употребляли и даже не пробовали. Играли на двухструнном щипковом дутаре и длинном струнном тамбуре, пели, танцевали, выходя на середину комнаты по двое. Танцевали всегда долго, поскольку не тратили энергию на прыжки, приседания или топанье ногами, а кружились мелкой плавной поступью.

На мяшряпе не только веселились, но и беседовали, стар-

шие наставляли младших, поэтому невежу уйгуры называли «мэшрәп көрмигән»³³. Кроме того, это был и круг верных друзей, готовых разделить радость и поддержать в скорби.

Дунгане – китайские мусульмане, – жившие в Кульдже, по наблюдениям Елизаветы Павловны, были крупнее, крепче и мускулистее китайцев, с мужественной осанкой и слегка выпученными глазами, и, в отличие от китайцев, они никогда не уродовали женщинам ноги. Разговаривали дунгане по-китайски, жилье тоже строили на китайский лад. Главным в доме был мангал, который топили каменным углем, напротив него в потолке пробивали большое отверстие. Обед обычно начинали с чая, заканчивали супом, очень любили лапшу.

Дунгане не отдавали своих дочерей за неверных. Интересно, что при этом они сами часто женились на китаянках, но детей воспитывали в исламе. Дубровины заметили, что соседи-дунгане отличались строгостью семейных нравов и совершали в строго определенное время намаз.

Дунгане отличались храбростью и решительностью, но вместе с тем вспыльчивостью и склонностью к ссорам – даже разговаривая между собой, они размахивали руками, то и дело вскакивали с места, жили на шее и висках у них вздувались. Настроение у них менялось очень быстро: только что они говорили мирно и громко смеялись, и вот уже хватались за ножи, которые носили с собой с раннего детства. Китайцы называли дунган злыми.

³³ Не видевший мяшряпа (*уйгур.*).

Мужчины и женщины у дунган одевались одинаково: распашная куртка с застежкой на правом боку и широкие штаны. Одежда отличалась цветом: старухи носили белую, молодые женщины красную, украшенную вышивкой, мужчины голубую. Сами шили матерчатую обувь – белые чувяки.

Дунгане

Жившие в Кульдже русские казаки отличались трудолюбием, верностью православной вере, аккуратностью и чистоплотностью. У них в доме не было ни одной грязной вещи: даже черенки кочерги, сковородника, лопаты для посадки

хлеба в печь были чисто выскоблены.

Как-то бабушка с Риткой зашли в один казачий дом. Девочка, ровесница Риты, нянчила грудного младенца. Ритка глянула на светленькую, чистую, прямо сияющую чистотой девочку, на белоснежный чепчик и распашонку ребенка – и засмушалась своих исцарапанных рук, пыльных ног. Правда, нужно отметить, что новая знакомая никогда не сидела в тюрьме, подобно Ритке, и в отличие от нее была совсем домашним ребенком.

Со всеми соседями, даже с воинственными дунганами, Дубровины умели сохранять мир.

Елизавета Павловна начала шить соседям на заказ, чтобы прокормить семью. Был у них и другой источник дохода: из разговора мамочки и бабушки Ритка узнала, что их взял под свое покровительство некий Судабаев. Он был коммунистом, но хорошо знал дедушку Дубровина и из уважения к нему принял на себя заботу о его семье, поддерживал их деньгами и продуктами. Вот и еще раз твоя доброта, милый дедушка, помогла твоим близким...

Риткина радость

Ритка хорошо запомнила Кульджу: сонные улицы, полные высоких пирамидальных тополей и карагача³⁴. Это дерево непростое. Ханы Средней Азии и иранские шахи любили отдыхать на диванах из карагача: он приносит в дом тонкий и терпкий аромат, который успокаивает и расслабляет хозяина жилища.

Неповторимым ароматом наполняли окрестности также заросли невысоких колючих кустов джигиды с воздушным облаком узких серебристых листьев и душистых цветов – самых душистых в мире. Лидочка после тюрьмы не отходила от Веры Константиновны, жалась к ней испуганно, мешая материнским домашним заботам, – у малышки развился невроз.

Ритка же, напротив, как дикий зверек, не могла насытиться волей и солнцем, сбегала от матери и бабушки и не спеша, наслаждаясь свободой передвижения, исследовала окрестности, запоминала все тропинки и дорожки на случай опасности, жевала терпко-сладкие, мучнистые плоды-костянки джигиды, исцарапанными в кровь руками собирала на нитку бусы для Лидочки.

Был бы жив дед Дубровин, он рассказал бы внучке, как ле-

³⁴ Карагач – мелколистный вяз.

чил свежими листьями джигиды – лоха узколистного – гнойные раны, как прописывал отвар при тяжелой лихорадке и воспалении желудка. Многие мог бы поведать Ритке дед – искусный лекарь и травник, но тело его покоилось в общей могиле, вырытой наспех чекистами, а душа – в небесных селениях, где не нужны ни отвары, ни примочки, ибо там несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Ветер разносил аромат джигиды на несколько километров, а вокруг и без того чудесно пахло белой акацией, яблоками, персиками. В садах Кульджи, самого влажного района засушливого Синьцзяна, росло множество цветов: розы, пионы, георгины, а кусты душистой сирени были высокими как деревья. Соловьи заливались всю ночь, Ритка просыпалась, слушала искусные трели и снова засыпала, сердце билось медленно, ровно, дышалось сладко.

Как-то Ритка заснула в мякиннике³⁵ рядом со старой водяной мельницей и мирно спала, зарывшись по горло в мякину. Мать и бабушка искали ее и даже пробежали мимо мельницы, но не разглядели среди светлой мякины маленькую русую головку. А малышка выпалась и спокойно отправилась домой.

Будь это обычное, мирное время – не видать бы Ритке такой свободы. Сидела бы девочка дома возле матери и бабуш-

³⁵ Мякинник – сарай, помещение, в котором хранится мякина – отброс, получающийся при молотье хозяйственных растений. Мякина состоит из мелких, легкопадающих частей колосовых и бобовых растений, вроде обломков колосов, цветочных колосков, стручков, обрывков, стеблей и прочего.

ки, училась шить да вышивать. Но время на ее долю выпало совершенно необычное: тюремное заключение, гибель мужчин семьи, потеря родного дома – все это сильно изменило и мамочку, и бабушку.

Вера Константиновна из тюрьмы вышла совершенно больная. От пережитого стресса ее волосы не только поседелли, но и начали обильно выпадать: стоило ей провести расческой по редким седым прядям, как все они оставались на расческе. Бабушка состригла дочери оставшиеся волосы, и Верочка каждый раз пугалась, проводя исхудавшей до прозрачности рукой по седому ежику вместо густой и пышной прически.

Иногда молодая женщина забывалась и начинала петь, но из перерезанного горла вылетал лишь хрип, который приводил Верочку в угнетенное состояние духа. Очень тосковала она и по мужу, часто вспоминала их совместные мечты о русском Харбине и таежной Барге.

Бабушка Елизавета Павловна тоже ослабла и часто покашливала – этот кашель был ранним предвестником туберкулеза. Сильная слабость не позволяла ей заняться воспитанием своевольной старшей внучки вплотную, и она покорилась, только ворчала на Ритку, называя ее бродяжкой. И малышка вдоволь бродила по окрестностям.

В огородах Кульджи вызревали самые сладкие овощи и фрукты, которые досыта кормили своих трудолюбивых хозяев. Вокруг казармы росли урючные деревья, стучали в ок-

на своими ветвями с желтыми тяжелыми абрикосами. Плоды сыпались на траву, на дорожки, манили красным румянцем, их собирали для сушки, варенья, пастилы. Те, что не успевали собрать, сохли, но даже такие, сухие, они прекрасно подходили для компота. Местные называли их сладкокостным урюком. Осыпавшиеся плоды часто поднимали только ради того, чтобы разбить косточку и закусить сладким ядром.

Ритка ела вдоволь, липкий сладкий сок тек по подбородку, жмурилась на солнышке от удовольствия, набивала полные карманы спелыми ворсистыми абрикосами, довольная, несла запасы мамочке. В карманах они мялись, мама смеялась: готовое варенье.

Бабушка собирала яблоки с диких яблонь, растущих вокруг, резала, сушила, толкла в ступе – получалась яблочная мука. Она хорошо хранилась, а в случае необходимости заливалась кипятком – вот и вкусное яблочное повидло готово. Бабушка накладывала к чаю тарелочку повидла, стряпала с ним сладкие пирожки. Абрикосы и яблоки в Кульдже и ее окрестностях почти никогда не были червивыми.

У одного из жителей казармы коротал жизнь старый пес Кузя, тощий, со свалывшейся шерстью, но удивительно живучий. Его хозяин, крайне худой и больной русский беженец, не кормил свою собаку – да и питался ли он сам чем-нибудь? Но Кузя находил выход: гонялся за мышами, водяными змеями, лопал все, что можно было прожевать, и выглядел вполне счастливым и довольным и в жару, и в стужу.

От одной из собачьих болезней погибли собаки обитателей соседних кирпичных домов: роскошный сеттер и важный, покрытый глубокими складками кожи шарпей, а тощий Кузя оставался живее всех живых. Ритка смотрела на жилистого Кузю, переводила взгляд на свои тонкие грязные ручки, и ей казалось, что они очень похожи. И в ней на самом деле действовала упругая жизненная сила, воля к жизни, что выводила ее целой и невредимой из страшных передраг.

На улицах весь день напролет, в любое время года, дымились очаги маленьких татарских, китайских и уйгурских харчевен – особенно много татарских, поскольку здесь жило много татар.

В харчевнях часто использовали хибачи³⁶. Их разжигали сначала хворостом, затем подкидывали брикеты из угольной пыли и глины, которые делали сами и долго просушивали на солнце. На хибачах можно безбоязненно готовить на улице, но в дом их заносить опасно: нужно ждать, когда синий огонек внутри погаснет, иначе угоришь в два счета. Хибачи изготавливали, используя большие железные банки из-под печенья или любой другой подручный материал. Главным было устроить топку, колосник и поддувало.

Здесь же располагались чайханы, ларьки, между которыми бегали большие черные свиньи и огромное количество бездомных запаршивленных собак. Вечно голодную Ритку тянуло к харчевням с особой силой. Маленькая чумазая де-

³⁶ Хибач – маленькая печка.

вочка с запыленными босыми ножками быстро сновала по ближайшим к казарме улочкам, рассматривала прилавки, изучала, запоминала.

Иногда удавалось стянуть не дикое, а покупное яблоко – и она с жадностью впивалась в сочную мякоть. Ей нравились ароматные «ватные» яблоки, с очень сладкой мякотью, напоминавшей вату, еще нравились «банановые» – потверже, но тоже сладкие и сочные. Продавали также необыкновенно вкусные, с крупинками, как засахаренный мед, груши, тающие во рту. Попробуешь – никогда в жизни не забудешь.

Девочка с удивлением рассматривала то, что никогда не готовили у Дубровиных дома: вареных жуков, лягушек, маленьких «рисовых» птичек, у которых откусывали головы и ловко высасывали мозг, бычьи хвосты, тушеные в соевом соусе, и прочие деликатесы.

Торговали на улице лепешками. Мужчины с плоскими корзинами на голове громко кричали: «Горячий гиджа!³⁷», «Сдобный патыр!³⁸»

³⁷ Гиджа – пышная лепешка с толстыми краями.

³⁸ Патыр – светло-коричневая лепешка с глянцевитой поверхностью, приготовленная на крепком мясном бульоне, с луком, с бараньими выжарками, посыпанная маком и кунжутом.

Уличный торговец

Ритка приняховивалась, прикидывала, как подобраться поближе к лакомству. Один раз ей отдали лепешку, упавшую в пыль, – горячую, нежную, мягкую. Ей очень хотелось откусить кусочек, но она донесла патыр до казармы и, радостная, поделила лепешку на всех домашних.

Мальчишки предлагали купить халву, дунгане расхваливали свой жаренный в масле горох, арбузные семечки, высокий продавец медленно катил тележку, а в тележке – печенье, сердце, легкое, требуха. Отдельно красовалась голова барашка с удивленными глазами.

Старики-дунгане продавали густой белый кисель из гороховой муки. К киселю полагались тертый чеснок, красный и черный перец, уксус, разные соусы. Весной и летом в этих краях свирепствовали многочисленные инфекции, и дунгане специально готовили блюдо с чесноком для защиты от болезней.

Седой дунганин глянул мельком на светловолосую девочку, положил на тарелку немного киселя, приправы, протянул Ритке, подал палочки. Она осторожно отправила кусочек в рот: кисель был холодный, скользкий. Проглотила – съедобный, но невкусный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.